

АНДРЕЙ ЕРПЫЛЕВ

**ГОРОД КАМЕННЫХ
ДЕМОНОВ**

Город каменных демонов

Андрей Ерпылев

Город каменных демонов

«Автор»

2008

Ерпылев А. Ю.

Город каменных демонов / А. Ю. Ерпылев — «Автор»,
2008 — (Город каменных демонов)

Кто сказал, что готика – только в старушке-Европе? В России тоже найдется уголок, где действуют все законы жанра, где есть старинные замки и гулкие подземелья, вековые тайны и загадочные порождения ночной тьмы. Здесь столетиями одна тайна наслаивается на другую, оживают легенды и, наоборот, становится легендой реальность. Не нужно никаких виз и приглашений, магических артефактов или ветхих инкунабул с заклинаниями. Просто садитесь в поезд, идущий в западном направлении, и в одно прекрасное утро ступите на перрон городка, которого почти не коснулась бурная и торопливая современность. Но будьте осторожны – призраки минувшего не любят чересчур любопытных...

© Ерпылев А. Ю., 2008

© Автор, 2008

Содержание

1	12
2	28
3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Андрей Ерпылев

Город каменных демонов

Стук подошв далеко разносится по ночному городу, отражается от стен домов, многократно усиливаясь и дробясь, создавая впечатление, будто бежит целая толпа...

Однако бегущий один.

Он смертельно устал, дыхание с хрипом вырывается из пересохшего рта, ноги заплетаются и скользят. Свет полной луны, безразлично взирающей с темного небосвода, отбрасывает на стертые камни мостовой длинную уродливую тень. Когда тень ложится на стены домов, кажется, что это и есть жуткий преследователь, настигающий беглеца.

Но не от собственной тени бежит человек. Он поминутно оглядывается, и по его бледному лицу, покрытому испариной, видно, что больше всего на свете он боится увидеть того, кто гонится за ним...

Никого нет, и человек постепенно переходит на трясину, а потом и на шаг. Воздух рвет его легкие, вливаясь туда раскаленным свинцом.

Не веря себе, человек останавливается. Он спасен!..

Нет.

Внезапно откуда-то из-за поворота доносятся мерные тяжелые удары, словно, заставляя сотрясаться землю, великан бьет огромным молотом о брусчатку. И звук приближается...

Но человек больше не может бежать! Взыв от отчаяния, он бросается к первой попавшейся двери и изо всех сил молотит в ее равнодушную твердь кулаками.

– Откройте! Пустите!

Но все дома мертвы и безмолвны...

А страшный грохот все ближе. От него начинают тоненько дребезжать стекла неосвещенных окон, падает и звонко разлетается по брусчатке кусок черепицы...

Лишь пятая или шестая дверь поддается яростному напору беглеца.

Вбежав в подъезд, он прижимается к двери спиной и, глядя расширенными от ужаса глазами в крошечную темноту, ждет, беззвучно шевеля сухими и потрескавшимися губами. Наверное, слова молитвы...

Когда грохот приближается вплотную, он зажмуривается и стискивает зубы...

Что это? Страшные звуки миновали убежище и теперь удаляются. Чудо!

Без сил он опускается на грязный камень и роняет голову на грудь. Сил радоваться спасению уже нет...

Лишь через полчаса он медленно отворяет дверь и осторожно выглядывает наружу...

Они здесь!!!

Неподвижные и кажущиеся еще более страшными в своей неподвижности, они окружают полукольцом площадку перед дверью, а позади ближайших видны еще и еще...

Со сдавленным писком беглец бросается назад, под спасительный кров, но что-то каменно-твердое уже уперлось в спину и медленно, но неуклонно выпихивает его наружу...

– Не-е-е-ет!..

Эхо душераздирающего вопля, подобно летучей мыши, еще долго мечется между тесно стоящими домами, пока наконец не находит лазейку...

Тейфельшрхен, Восточная Пруссия, 1823 год.

– Да-а... Ну и учудили вы, герр Виллендорф!..

Бургомистр Стефан Мюллер, плотный краснолицый крепыш, давно переваливший пятидесятилетний рубеж, наконец оторвался от созерцания скульптуры и покрутил крупной лысо-

ватой головой, будто ему жал высокий, от души накрахмаленный заботливой супругой воротничок. В жарко натопленной мастерской толстяк обильно потел, поэтому скульптор – молодой человек аскетической наружности, одетый во все темное, – старался держаться от него подальше.

– Ну и что, к примеру, изображает сия аллегория? – поинтересовался герр Мюллер, тыча напоминающим сосиску пальцем в каменное изваяние. – Не помню я, чтобы магистрат заказывал у вас такую... такого... такое, – выкрутился он из затруднения с идентификацией половой принадлежности истукана.

– В контракте, герр Мюллер, – глуховатым безжизненным голосом ответил молодой человек, – ничего не было сказано насчет того, что именно должно быть изображено. Там черным по белому, правильным немецким языком написано, что магистрат заказывает у мастера Юргена Виллендорфа восемь статуй для украшения присутственного зала новой ратуши.

– Вот-вот! Для украшения... – поднял указующий перст бургомистр, но скульптор весьма непочтительно перебил его:

– В примечании говорится, что члены городского магистрата хотели бы видеть в статуях олицетворение мощи Прусского Королевства, богатства его полей и лесов, трудолюбия, скромности и достоинства граждан.

– И что из перечисленного, по-вашему, олицетворяет это?..

Оба замолчали, разглядывая высеченное из черного блестящего камня странное существо, более всего напоминающее вставшую на дыбы бесхвостую ящерицу. Очень и очень мускулистую ящерицу, увенчанную тяжелой рогатой головой с орлиным клювом. Кривых ног с тремя когтистыми пальцами на каждой оказалось маловато, чтобы удержать монстра на постаменте, поэтому скульптор придал ему еще две дополнительные точки опоры – концы мощных кожистых крыльев, сложенных за спиной наподобие архангельских. Но особенно приковывали внимание глаза – глаза древнего, много повидавшего на своем веку мудреца, с насмешкой глядящие на зрителя из глубоких глазниц, обрамленных густой сетью старческих морщин.

Однако бургомистр кривил душой, отзываясь о чудовище в среднем роде, – его принадлежность к мужскому полу не вызвала бы сомнений даже у слепого...

– Разве в скульптуре мало скрытой мощи?

– Да, мощи у нее хоть отбавляй... – вынужден был признать герр Мюллер. – Но где же богатство полей? Где трудолюбие и скромность граждан? Про достоинство я уже и не говорю.

– Это я намереваюсь раскрыть в следующих скульптурах, – пожал худыми плечами ваятель, кивнув на еще три каменные глыбы, пока прикрытые холстиной и похожие на стоящих торчком мертвецов в саванах. – А после того как магистрат оплатит мне уже готовую...

– Ну уж дудки! – возмутился глава города. – Я не позволю, чтобы святая святых нашего славного Тейфелькирхена была осквернена подобными тва... творениями. А мой голос, пока еще, смею надеяться, не самый последний в городе.

– То есть как? По контракту магистрат обязан мне выплачивать по сто пятьдесят талеров золотом за каждую готовую статую!

– За статую, но не за такое уродство!

– Это и есть статуя!

– Послушайте, молодой человек, – небезосновательно опасаясь апоплексического удара, сбавил напор бургомистр. – Никто не собирается нарушать условий контракта. Напротив, я даже готов выплатить вам прямо сейчас еще пятьдесят талеров в виде аванса, если вы наконец возьметесь за ум и изваяете что-нибудь пристойное. Например, деву Брюнхильду со щитом и копьем или могучего Зигфрида... Доброго нашего короля Фридриха-Вильгельма Третьего, в конце концов. Уверен, что статуя Его Величества у вас выйдет очень похожей на оригинал, и горожане будут довольны...

– И я потратил пять лет в Италии, обучаясь живописи и ваянию, чтобы мне диктовали, что и, главное, как я должен ваять? Пять долгих лет унижений и нищеты, недоедания, позора, в конце концов...

– Но ведь в Италии, – осторожно вставил герр Мюллер, примирительно улыбаясь и, словно между прочим, вертя в толстых пальцах пять золотых монет, сложенных столбиком, – надо думать, вас не таких чудищ учили делать? Видел я итальянские скульптуры в замке у нашего соседа, барона фон Гройбиндена... Вот это ба... дамы, скажу я вам! И вот тут и тут есть на что посмотреть, – показал он на себе, вопреки примете, округлыми жестами могучие достоинства баронских граций. – И на лицо очень даже миловидны... Да я вам готов от себя еще по пятнадцать добавить, если хоть лица у ваших статуй будут итальянскими. Я б такую и для себя лично у вас заказал, герр Виллендорф. Поставил бы в саду, чтобы фрау Мюллер любовалась...

Солнечный зайчик, отразившись от блестящих монет, пробежал по лицу молодого скульптора. Тот брезгливо мотнул головой, стряхивая его, подумал и... сдался.

– Ладно, давайте свои талеры... – буркнул он, протягивая узкую изящную ладонь, совсем не напоминающую конечность каменотеса, коим, в широком смысле, и являлся. – Если вы не хотите настоящего искусства, будет вам ремесло... итальянское, – язвительно добавил он, скрупулезно изучая, разве что не пробуя на зуб, золотые кругляки с профилем короля в мундире, смахивающем на камергерский.

– Не-е-ет, – погрозил пальцем в ответ толстяк, жизнерадостно улыбаясь. – Ремесла нам не нужно! Вы нам искусство подавайте! Чтобы настоящее! Культурку, так сказать. Ремесленников я и за тридцать талеров найму...

– О, Создатель! – саркастически скривил губы Виллендорф, когда за бургомистром захлопнулась дверь мастерской. – Культурку... Скажет же!.. И для такой деревенщины я вынужден растрачивать свой талант! Да они же не отличат свиньи от Афродиты!.. Или лучше сказать: свинья им будет предпочтительнее...

Дрезден, Саксония, 1826 год.

– И вы, молодой человек, приехали в Дрезден из самой Восточной Пруссии?

Личной аудиенции у короля Саксонии, признанного мецената и покровителя искусств, Юргену Виллендорфу добиться, конечно же, не удалось.

О-о! При дворе дряхлеющего Фридриха-Августа роились десятки и сотни подобных ему скульпторов, живописцев, поэтов, музыкантов... И все они мечтали если не припасть к кажу-щемуся им неиссякаемым золотому источнику, то уж непременно унести в карманах толику счастья в виде желтых кружочков с профилем величественного старика, наверное, последним из европейских монархов упрямо не расстающегося с пудренным париком по моде «куртуазного столетия»...

Но Виллендорфу, на зависть сонму других «мотыльков», выпала редкая удача – его принял лично сам министр двора граф фон Бернсбах, слывший большим знатоком искусств. Тонкому вкусу ценителя и его обширным знаниям без каких-либо сомнений доверял сам король. Злые языки даже утверждали, что несравненный королевский вкус и есть вкус графа фон Бернсбаха.

– Да, ваше сиятельство, – почтительно склонил голову молодой скульптор. – Это было не самым легким делом в моей жизни, но я домчался сюда, будто на крыльях ветра. Немало способствовали моему путешествию отличные дороги вашего королевства.

– Не пытайтесь льстить, молодой человек, – добродушно расхохотался старый царедворец. – Наша держава и королевством-то стала всего какие-то два десятка лет тому назад,

а уж дороги у нас точно ничуть не лучше, чем проложенные на вашей родине по повелению покойного Фридриха Великого.¹

– Но уж в плане архитектуры Кенигсберг и Берлин значительно проигрывают Дрездену...

– Все-таки вы неисправимый льстец, герр Виллендорф...

Ни к чему не обязывающий разговор мог продолжаться бесконечно, но в конце концов министр со вздохом вернулся к главному.

– Увы, ничем вас не могу обрадовать, молодой человек. К глубочайшему моему сожалению, двор Его Величества не может себе позволить покупку вашего шедевра. Да-да, шедевра – не смущайтесь!.. Он великолепен, в этом не может быть и тени сомнения. Чувствуется рука подлинного мастера, великолепная школа... Но, понимаете ли, мой дорогой... – сухонькая лапка графа доверительно легла на черное сукно скульпторского рукава, – ему не место здесь. Все, что вы тут видите, – фон Бернсбах широким жестом обвел великолепный интерьер зала, золоченое дерево мебели, декоративных гирлянд и розеток, оттеняющих драгоценный штоф на стенах, томные картины в тяжелом багете, – принадлежит минувшему веку, равно как и, к сожалению, ваш покорный слуга... Над всем этим витает запах тлена, и недалек тот час, когда новый хозяин, вооружившись хорошей метлой, смахнет все это траченное молью и изъеденное жучком барахло в помойку... Ваша же работа, герр Виллендорф, относится к совсем другому времени. Поверьте мне – я знаю, что говорю.

Старик помолчал, мелко жуя бескровными губами и глядя куда-то в пространство.

– Вы несколько опоздали родиться, герр Виллендорф: такая мощь была бы по душе... – граф воровато оглянулся и, хотя зал был пуст, заговорщически понизил голос: – Неистовому Корсиканцу. Да-да, вы прекрасно меня поняли!.. Или, наоборот, родились слишком рано... В любом случае, я вынужден вам отказать. Позвольте предложить вам эту небольшую компенсацию...

На инкрустированную черным деревом и перламутром поверхность стола легла длинная полоска бумаги, исписанная каллиграфическим почерком и украшенная королевской печатью, – банковский билет на двести саксонских талеров.

– И если вы создадите что-нибудь более подходящее к этому паноптикуму – милости просим к нам, герр Виллендорф...

* * *

Когда последние домики дрезденского предместья скрылись за пеленой дождя, Юрген остановил кучера, выпрыгнул из возка и, оскальзываясь в грязных лужах, кинулся назад, туда, где на ломовой телеге возвышался укутанный парусиной «шедевр».

Под испуганными взглядами возницы скульптор, ломая ногти и ранив в кровь о дерюгу костяшки своих чутких пальцев, сорвал крепящие покрывало веревки и сдернул его прочь.

– Почему и ты не вызвал восторга, каменный урод?! – завопил он, брызгая слюной прямо в лицо черному всаднику в сверкающих под дождем рыцарских латах. – Почему вместо признания, восторга, богатства ты принес мне вот этот презренный клочок бумаги?

Сильная ладонь ваятеля, привыкшая к молотку и резцу, медленно смяла в жалкий комоч плотную желтоватую бумагу с красной печатью...

– Я ненавижу вас всех – каменные истуканы, плоды моих неусыпных бдений, мои уродливые дети!.. Пропадите вы пропадом!

Виллендорф схватил с телеги забытую кем-то из королевских плотников кувалду, которой забивали клинья, не позволявшие тяжелой статуе сдвинуться при всех невзгодах дальнего пути, и размахнулся, целя прямо в полированную кирасу на груди рыцаря. Трепетавший

¹ Фридрих Великий – прусский король Фридрих II (1712–1786, правил с 1740 г.).

на облучке мужик шустро порскнул в кусты и затаился там, не желая попасть под горячую руку сумасшедшему господину.

– Возвращайся в грязь, чудовище! – воскликнул скульптор, готовясь нанести сокрушительный удар, но удержал стальной боек в какой-то доле дюйма от камня.

Его остановил брезгливый взгляд истукана, надменно следящего за своим творцом сквозь приоткрытое каменное забрало. А еще более – яростные глаза коня, подходящие скорее адскому демону, чем скромному животному, весь смысл жизни которого – нести на себе человека...

Кувалда выскользнула из вмиг ослабевшей руки и глухо ударилась о дно телеги. Виллендорф отшатнулся и прикрыл лицо ладонью, не в силах выдержать осязаемо жгущий кожу взгляд своих созданий.

Постояв так почти полчаса, промокший до нитки ваятель выудил из лужи полуразмокший комок бумаги, швырнул опасливо показавшемуся из своего укрытия вознице несколько мелких монет и, жестом велел снова закутать изваяние тканью, зашагал к терпеливо ожидающему экипажу...

Швейцарские Альпы, кантон Аппенцель, 1835 год.

Проклятый холод близких горных вершин, покрытых вечными снегами, проникал сквозь потертую кожу, которой был обит возок, ничуть не хуже, чем вода сквозь марлю. Юрген Виллендорф не мог согреться с того самого момента, как крошечный караван, покинув благодатную долину Женевского озера, принялся карабкаться вверх. Не помогали даже жаровня с углями в ногах и добротный шерстяной плащ. Правильно говорили знающие люди, что лучше было двигаться на запад, пересечь французские земли, сплавиться на барке по Сене до Гавра и оттуда, морем, уже направиться домой. Возможно, в Париже удалось бы избавиться от груза, громоздящегося в телеге, которую едва тащит четверка волов.

Разве Гельветика, созданная, чтобы потрясти женевских надутых индюков, не может сойти за какую-нибудь Марианну? Ах, да, у той же фригийский колпак на голове... Тогда за Европу, Францию, Свободу, Равенство или Братство... Черт, монархия... Тогда за Юстицию. Что, при дворе Луи-Филиппа не может быть статуи Правосудия? Или Верности?

А все страх перед морскими путешествиями. Можно подумать, что тряская повозка чем-то лучше парусника в бушующем море.

Скульптор приоткрыл окно и сплюнул скопившуюся во рту горькую слюну на дорогу.

– Не дело это, господин, – пробасил восседающий на облучке швейцарец.

– Почему?

– Прогневаете горного духа. Тут ведь не то что плевать где попало нельзя – нужду справить малую и то лишь под деревом можно. Или на травке где-нибудь. А на камни – ни-ни! Вот и терпишь, бывало... Зубами скрипишь, а терпишь...

– Ерунда это, басни.

– Не скажите, господин... Это тут ерунда, чуть ли не по ровному едем.

«Ничего себе „ровное“, – подумал Виллендорф. Сразу же за дверцей возка открывалась бездна очередной узкой долины, на дне которой, скрывая редкие домики с черепичными крышами, курился не то туман, не то уже облака. От взгляда в нее замирало сердце. – А я-то считал, что скоро уже вниз...» До Женевской Республики он добирался кружным путем через Данциг, Прагу, Вену, Милан и Турин. Как оказалось, настоящих гор он даже еще и не видел. Кто же знал, что обратно придется возвращаться не налегке.

– Вот когда на Роттенбахский перевал будем подниматься, тогда увидите, каково это... Там обвалы и камнепады, как в долине дождик.

– А как этого духа умаслить?

– Да проще некуда, господин. Киньте ему монетку, и вся недолга. Он и не будет сердиться.

– А сколько?

– Да хоть сколько. Можно батцен, можно пять раппенов.² Лишь бы не медяшку. До мелочи он ужас какой лютый – может и горы тряхнуть. Тогда мало не покажется. Хотя, может, вас и пропустит, господин...

– Почему? – Юрген замер, роясь в кошельке.

– Почему? – в свою очередь удивился возница. – Он ведь каменный, Горный Хозяин-то. Совсем как девка эта ваша каменная, которую быки в телеге тащат. Ладная девка, жаль только, не живая!.. – прищелкнул он языком. – Вот и признает вас за своего. А то и выше себя. Его-то ведь черт сотворил, а вы сами истуканов своих тешете. Значит, и вы сродни черту.

«Может быть, и в самом деле? – горько усмехнулся про себя Виллендорф, выуживая из вышитого кожаного мешочка золотой. – Может быть, я просто не того прошу о милости?.. На, держи, приятель!..»

Крошечная блеска стремительно полетела с обрыва, ударяясь о камни и отскакивая. И, словно в благодарность, позади каравана с кручи скатился одинокий булыжник размером с мужской кулак...

Тейфелькирхен, Восточная Пруссия, 1857 год.

– Господи! Почему ты, дав мне талант, не дал всего остального? – страстно вопрошал Юрген Виллендорф, стоя на коленях перед огромным распятием в стенной нише церкви Святого Михаила, изгоняющего дьявола. Когда-то, лет семьсот тому назад, она дала имя затерянному в лесах и болотах Восточной Пруссии поселению христиан, одному из первых в тогда еще дикой языческой стране.

За прошедшие годы молодой скульптор возмужал, виски посеребрила седина, лоб избороздили морщины, в уголках губ залегли горькие складки. Он женился и схоронил супругу, не родившую ему детей, способных прожить хотя бы десять лет, женился вновь, обзавелся хозяйством... Множество невзгод пролетело и над самим континентом. Отпылал по всей Европе кровавый пожар революции, могучим зверем подмяла под себя почти всю раздробленную Германию чудовищно разбухшая Пруссия, находящая теперь силы грозить даже Австрийской империи, пошатнулся и едва устоял под ударом объединенной Европы русский колосс... Ничего не изменилось лишь в творческих делах ваятеля. Люди восхищались, возмущались, трепетали перед его творениями, никого не оставляли они равнодушными ни в аскетичном Берлине, ни в утопающей в роскоши Вене, ни в загадочном Петербурге, ни в разгульном Париже, ни в туманном Лондоне... Но нигде не принесли они их творцу столь вожделенной славы или хотя бы денег. Лишь оскорбительные подачки, похожие на откуп, который платят разбойнику, чтобы не беспокоил, не разрушал мирную и налаженную жизнь...

Чтобы сводить концы с концами, скульптор вынужден был переоборудовать часть мастерской под камнерезный цех и точил на потребу тупым бюргерам копии дворцовых ваз из уральского малахита, откровенно ненавидя и презирая этот жалкий заработок.

Не раз, не десять и не сто раз хватал он кувалду, дабы сокрушить, стереть во прах все множившееся и множившееся каменное воинство, не только заполонившее мастерскую, каретный сарай, двор и сад, но и лезущее в дом, отвоевывающее одну комнату за другой, загоняющее хозяев все выше и выше. Лишь одна преграда существовала для рыцарей и драконов, гарпий и единорогов, гордых монархов и рвущих цепи рабов: ограда владений Виллендорфа. За нее они

² *Батцен, раппен* – монеты швейцарских кантонов (провинций) до объединения в Швейцарскую Конфедерацию в 1850 году.

если и переступали когда, то непременно возвращались под родной кров после бесплодных попыток завоевать хотя бы клочок жизненного пространства вовне.

– Услышь же меня, Господи!.. – бился и бился у пронзенных мраморным гвоздем ступней Спасителя потерявший веру во все на свете ваятель. – Снизойди до жалкого раба твоего! Хотя бы на склоне лет дай мне частичку того, к чему я так долго стремился...

– Ты не прав, сын мой, – раздался дребезжащий старческий голос из-за спины молящегося, и Юрген, вздрогнув, обернулся.

В нескольких шагах от него стоял, скорбно качая головой, сухонький старичок – настоятель церкви Святого Михаила преподобный отец Губерт. Они много лет были знакомы, и не раз набожный скульптор совершенно бесплатно предлагал церкви свои работы, среди которых в изобилии присутствовали образы различных святых и праведников. Увы, пастырь Божий всегда вежливо, но непреклонно отказывался, сетуя на пронизывающий все виллендорфовские скульптуры дух противоречия, отсутствие смирения и бунт грешной плоти, неприемлемые для храма.

– В чем я не прав, отец мой?

– Ты требуешь там, где должен смиренно просить, упрекаешь в том, за что должен благодарить, не видишь того, на что Создатель указывает тебе своим перстом...

– Это я не смиренен? – горько улыбнулся Юрген. – Это я неблагодарен?.. Я бы не удивился, услышь все это из других уст, но из ваших, святой отец...

– И тем не менее это так, сын мой. Господь до последнего мига испытывает нас перед тем, как пролить свою благодать.

– И когда же он намерен ее пролить? Не на мой ли гроб?! – Лицо скульптора исказилось: он почти кричал. – Я не святой подвижник, отец мой, чтобы вдоволь насладиться посмертной славой, лежа в сырой могиле! Мне незачем беседовать о красоте мрамора и гранита, чистоте линий и блеске полировки с могильными червями! Я хочу признания сегодня, сейчас!

– Смирись, грешник! – возвысил голос священник, осеняя беснующегося Виллендорфа крестным знаменем. – Покайся в гордыне!

– Мне не в чем каяться! – вскочил на ноги Юрген, запахиваясь в плащ и нахлобучивая шляпу на глаза. – Если в чем-то я и виноват перед ним, – небрежный кивок через плечо заставил преподобного Губерта в ужасе отшатнуться, – то лишь в долготерпении!..

Едва не сбив с ног попятившегося святого отца, скульптор стремительно прошагал между рядами скамей, и развевающийся за его спиной плащ плескался, будто черный флаг. Нет, будто черные крылья.

– Остановись, несчастный!..

Но двери уже захлопнулись, оставляя отца Губерта наедине с его ужасом...

1

Краснобалтск, Калининградская область, 200... год.

– Ну, блин, дороги! Всю подвеску здесь разобьем! Руки бы оторвать тем фрицам, которые эти булыжники сюда понавтыкали!..

Водитель Гавриила Игоревича Шалаева (он же Гаврик Шалавый, он же Гаврюша, он же Шалва), некогда уголовного авторитета, а ныне вполне респектабельного члена общества, помощника депутата Государственной думы, без пяти минут олигарха, никак не мог успокоиться. Примерно с того самого момента, как кортеж свернул с асфальтированной трассы, пусть и не дотягивавшей по качеству до европейского автобана, на древнюю брусчатку.

– Успокойся, Батон, – лениво бросил ему «правая рука» шефа Михаил Холодный, сидящий, как и положено «правой руке», справа от хозяина. – Тем фрицам руки уже давным-давно поотрывали. А натканы каменюки были как раз по уму... Это наши за шестьдесят лет довели тут все до ручки. Вот в Германии, поверишь – нет, брусчатка до сих пор такая, что у «мерса» покрышки по ней идут как влитые, а у нас даже на Красной площади – бугор на бугре...

– А вот в Праге... – подал голос с переднего пассажирского сиденья шеф охраны Сергей Малютин, начинавший карьеру в спецназе ГРУ под ласковой кличкой Малютка, но быстро доросший до Малюты.

– Заткнитесь все! – оборвал разговор шеф, который все еще не мог отойти от перелета. – Тоже мне развели бодягу: «Германия», «Прага»... О делах думайте, а не о «мерсах» долбанных! Кстати, – ткнул он здоровенным кулаком в шею притихшего Батона. – Если у тачки хоть что-то с подвеской случится – я тебя под эту самую брусчатку закатаю! Таких, как ты, сто штук нужно, чтобы ее окупить. Понял?!

– А я чо, Гаврил Игорич?.. – заныл парень. – Я разве виноват?..

– Аяччо – это город такой в Италии! – блеснул эрудицией Холодный, надеясь развеселить хозяина, но тот лишь зыркнул на него бешеными белесыми глазками.

– Сиди! Географ выискался! Лучше думай, как этого пентюха местного обломать!

Задуматься тут было над чем.

Когда до Холодного из весьма достоверных источников дошли вести, что есть еще в России уголок, которого не коснулась загребушая рука отечественного бизнеса, он, признаться, не поверил. Ладно бы где-нибудь в Сибири, на Дальнем Востоке, в крайнем случае – на Урале или в глубинке Нечерноземья. Развалины коровников и гигантские производственные цеха, по которым гуляет ветер, ничем, кроме земли под ними, серьезного предпринимателя заинтересовать не могут. Но тут речь шла совсем не о заштатном Хоревске или какой-нибудь заброшенной деревушке – осколке бывшего колхоза-миллионера. «Неохваченным» оказался целый город в Калининградской области, в свете новых веяний все чаще именуемой по старинке Восточной Пруссией.

Конечно, тоже не бог весть что – городишко в полтора десятка тысяч жителей, какой в любом другом регионе ни за что не поднялся бы рангом выше поселка. Но стоило взглянуть на карту, как зеленая червивая антоновка тут же наливалась спелостью и тянула на солидный джонатан: город располагался в полусотне с небольшим километров от моря и примерно на таком же расстоянии от границы. Интернет еще прибавил веса сладкому плоду: литейный завод плюс настоящий и, главное, совершенно целый рыцарский замок в городской черте! Производство и турбизнес в одном стакане. А уж живописные фото с горбатыми булыжными мосто-

выми, совсем европейскими домиками и крошечными площадями, которые украшали памятники неведомым рыцарям и королям, превратили Краснобалтск в настоящий деликатес.

Смущало название, от которого на версту несло «совком», но стоило выяснить старое, немецкое имя городка, и все вставало на свои места.

– Тейфелькирхен... – переспросила симпатичная секретарша Зиночка, бодро стуча по клавиатуре. – «Кирхе» – церковь, я в школе учила, а «тейфель»...

– Не «тейфель», – перебил ее, заглянув через плечо, программист Володя Буков, – а «тейфель», «еи», а не простое «е», безграмотность!

Он перегнулся через обиженно отодвинувшуюся Зиночку и ввел исправленное слово в нужную строку автопереводчика.

– Во... Хм-м... Получается «черт»...

– Чего-чего? – Михаил отодвинул оба юных дарования и прочел самостоятельно: – «Чертова церковь», что ли? Ничего себе названьице...

Шалаев долго изучал выложенные ему на стол материалы, распечатанные крупным, четырнадцатого кегля, шрифтом. Поговаривали о тщательно скрываемом слабом зрении шефа, но кому-кому, а Холодному была отлично известна истинная причина – Гаврик со школьных лет не дружил со всеми науками, кроме физкультуры. От чересчур мелких букв, по его словам, у него просто рябило в глазах.

– Чертова, говоришь? – весело заявил он, отшвыривая вспорхнувшую листами папку. – Да мне хоть чертова, хоть ангелова, лишь бы бабки можно было клепать. А тут бабулями жирными пахнет за версту... Эту их шарашку по литью памятников разгоним – не фиг место занимать! Прихватим чуток землицы и перенесем туда из Подмосковья наш завод бытовой техники. Особая экономическая зона и все такое.

– А здесь?

– А свято место пусто не бывает. Пустим буржуинов – пусть тоже что-нибудь клепают, а нам платят. Цивилизованный бизнес, одним словом. Так. Кто там в этом Тойфелькирхене заправляет?..

Увы, кавалерийский наскок, которым решались все проблемы и проворачивались все дела холдинга «Гишпаниа» (Гавриил Игоревич Шалаев, давно отошедший от дел соучредитель Панов В. А. по кличке Пан и ныне покойный «мозговой центр» предприятия, скрывавшийся за скромным «И я»), здесь увяз, как горячая лошадь в рыхлом песке. Краснобалтск оказался настоящим заповедником социализма, и управлял им с баснословного уже 1979 года яркий образчик той, канувшей в Лету, эпохи некий Степан Ильич Мельник.

Бессменный уже третий срок подряд, мэр перекочевал в кресло градоначальника с поста председателя Краснобалтского горсовета, а если по-честному – сменилась лишь табличка на двери, обшитой ламинированным под красное дерево оргалитом. Со стеклянной на латунную.

Эмиссар «Гишпаниа» был принят Мельником, благосклонно выслушан и отправлен восвояси с вежливым, но безусловным отказом. С тех пор в трехэтажном здании бывшего магистрата Тейфелькирхена перебивало, постепенно повышаясь в ранге, бесчисленное количество «гишпанцев», но ни одному из этих битых-перебитых «конкистадоров» не улыбнулась удача.

Мельника оставили равнодушным самые блестящие карьерные перспективы, кейсы с пачками «зелени», прозрачные и не очень угрозы повысить содержание свинца в организме до несовместимой с жизнью концентрации... Местные братки, державшие под контролем все более-менее прибыльные места бывшей немецкой провинции, скромным городком как-то не интересовались. Все попытки воздействия через вышестоящие структуры заканчивались странно: чиновники либо удивлялись наличию такого вот населенного пункта, либо тут же переводили разговор на другое. Но никто и не заявил безапелляционно в понятном «гишпанцам» ключе: «Не суйте, мол, рога, пацаны, – не ваша епархия...» А следовательно, Шалаев с компанией имели полный карт-бланш.

Не иметь видимых препятствий, кроме выжившего из ума старикашки, и не воспользоваться ситуацией, согласитесь, глупо! Поэтому следом за лимузином главы «Гишпаний», тяжело переваливаясь на древней брусчатке, катилось несколько черных джипов с густо тонированными стеклами, очень напоминавших катафалки. Собственно говоря, это и были катафалки по сути, разве что сидящие в них «труженики» ни разу в жизни не держали в руках лопаты...

* * *

Кавалькада промчалась по тихому городку и подкатила к единственному плацдарму, с неимоверными трудами отвоеванному у противника, – бывшей гостинице, некогда принадлежавшей заводу «Красный литейщик», но потом, как и все в бывшей Великой Державе, «прихваченной» под шумок кем-то из ее руководства.

Гавриил Игоревич покинул свое длинномерное транспортное средство, с трудом вписывающееся в узенькие средневековые улочки, и, кряхтя, размял затекшие ноги.

Он впервые посетил свои новые владения, поэтому окружающий его пейзаж озирает с удовольствием.

На небольшую мощенную булыжником площадку, претендующую даже на звание площади, более-менее широким фасадом выходило лишь одно трехэтажное кирпичное здание, судя по цвету закопченных стен и общему колориту, выстроенное лет двести назад. В площадь вливалось сразу пять улиц-щелей, поэтому остальные четыре здания напоминали остроносые утюги. Тем не менее фасады имелись и у них – шириной метра по два с половиной – три, но, как и положено, с высокими окнами и даже балкончиками, заставленными цветами в разномастных горшочках и ящиках.

Центр булыжного пятачка занимал высокий вычурный постамент, вероятно, ровесник гостиницы, но вместо изваяния какого-нибудь герцога или короля венчал его скромный памятник Ильичу в человеческий рост. Ленин, согласно своему обыкновению, с мечтательно-суровым видом простирал куда-то руку. Указывала она, однако, не путь к победе коммунизма, а почему-то направление на один из балконов с сушащимся на веревке дамским бельем устрашающего калибра. Кстати, единственным, кроме него, современным пятном, оскверняющим средневековый колорит площади.

– Как это чудело здесь сохранилось? – свел реденькие белесые бровки к мясистой переносице шеф, неодобрительно озирая развенчанного вождя с ног до головы. – Последний раз я такое лет пятнадцать назад видал.

– А кто его знает?.. – пожал плечами Холодный. – Да он и не один здесь.

Действительно, фасады домов-утюгов украшали небольшие, в рост человека, скульптуры, упрятанные в неглубокие ниши. Изображали они совсем другого плана личности: монаха с откинутым на плечи капюшоном рясы, молодого человека атлетического сложения, мало обремененного одеждой, какую-то страховидную тварь, вставшую на дыбы...

– Эти? С ними-то ладно – абстракции с аллегориями, а картавого я тут не потерплю! Площадь входит в нашу собственность?

– Н-ну... – помялся финансовый директор Лодзнер, стоявший тут же, в группке приближенных. – Я бы сказал: частично...

– Как это понимать?

– Э-э-э... Определенный сектор перед входом в гостиницу...

– Будем считать, что входит, – потерял к нему интерес Гавриил Игоревич. – Что за дела, в конце концов? Где я машины буду ставить?

Автомобили и в самом деле выстроились у постаментов длинной очередью, словно намереваясь совершить круг почета. Трем замыкающим кавалькаду джипам даже не нашлось места,

и они вынуждены были оставаться в улочке с громким названием «Советская», причем водитель последнего так и не понял причины задержки, судя по его нетерпеливым сигналам.

– Передайте этому лоху, чтобы перестал гудеть, – раздраженно бросил Шалаев, и сразу несколько окружающих его «шкафов» одновременно поднесли к ушам мобильники, появившиеся из ниоткуда. – На нервы действует... А болвана этого железного...

– Бронзового...

– Бронзового? Тем более. Снести к чертовой бабушке и сдать в цветмет. Все какая-то польза будет!

Шестерки угодливо заржали, а Шалаев, уже не глядя по сторонам, тяжело потопал по направлению к своим новым апартаментам.

– Чтобы к вечеру здесь ровное место было! – приостановившись на ступеньках, бросил он через плечо.

Две минуты спустя перед бронзовым Ильичом остались лишь четверо «бычков» и Малюта. Рядовые бойцы озадаченно чесали стриженные затылки, озирая черного от времени истукана с лысиной и плечами, покрытыми ядовито-зеленой коростой голубинового помета, чище всякой кислоты разъедающего медь. За свою недлинную жизнь они научились сворачивать чужие челюсти и крушить ребра, довольно сносно стрелять из множества видов огнестрельного оружия и при случае пускать в ход холодное. Но демонтировать памятник!.. Тем более что где-то глубоко в низколобых башках засела смутная истина, вынесенная из раннего детства: портить памятники нельзя. Намалевать краской обидное слово, выцарапать что-нибудь гвоздем – еще туда-сюда, но чтобы сломать совсем...

– Чего встали? – Малюта тоже явно пребывал не в своей тарелке. – Приступайте!

– Легко сказать... – присвистнул чернявый боец, которого все звали Шкуро, не особенно заикливаясь на том, кличка это или законная фамилия «из паспорта». – С чего начать-то?.. Его гранатой рвать нужно...

– Сказал тоже, – заржал рыжий Ганс, действительно напоминавший карикатурного немца, как их некогда изображали в старых фильмах «про войну». – Как в бочку п...! Гранатой! Да тут кило пять пластида нужно или вообще гексоген...

– Ага. Или атомную бомбу, – продолжил Малюта в тон «пироману». – Накиньте ему на шею буксирный трос и дерните джилом.

– А потянет?..

– Потянет. Я в киношке старой видел, как фашики в войну памятники сносили. Кстати, тому же Ленину...

– Я тоже! Обматывают тросом, потом танком ка-а-ак дернут!..

– Так то танком...

– Ну и что? Сейчас у джипа мощей поболее, чем у танков тогдашних!

– Точно! Тогда ж не танки были, а жестянки на гусеницах...

Сравнение технических характеристик танков вермахта и чудес современной автомобильной промышленности грозило затянуться надолго, но Малюта пресек дебаты в зародыше:

– Все, абзац! Ты и ты – за тросом, ты гони сюда вон тот «чероки»!

– Это мой...

– Значит, ты.

Нельзя сказать, что работа закипела, но дело определенно сдвинулось с мертвой точки. Минуты не прошло, как на шею обреченному Ильичу накинули лассо из нейлонового троса, а черный «катафалк» стоял под парами, готовый рвануть в улицу Девятнадцатого Партсъезда. Высунувшийся из приоткрытой двери водитель ждал только отмашки Малюты, наблюдавшего, как бойцы разгоняют редких зевак от греха подальше. Начинать с парочки задавленных заморской тачкой аборигенов никому не хотелось.

– Зря вы, ребята, затеяли это дело... – тронул кто-то за кожаный локоть шефа охраны, и тот удивленно оглянулся.

Позади стоял старичок в сером затрапезном костюмчике и какой-то допотопной матерчатой кепочке розового цвета.

– А тебе-то что до этого, отец? Папе, что ли, твоему памятник?

Пожилой горожанин и впрямь походил на Ильича: такой же коренастый, большелобый. Только прищур у него был совсем не ленинский...

– Беду накличете, молодые люди...

– Дядя милиционер заберет, что ли? – хмыкнул Ганс, только что спрыгнувший с поста-мента и теперь гадливо оттирающий рукав «косухи», запачканный голубиным пометом, щедро настоящим на меди. – Ай, боимся!..

Среди зевак действительно маячил блюститель порядка, ни во что, правда, не вмешивающийся, делавший вид, что оказался тут совершенно случайно. Вышел погулять в свободное время, например.

– Да нет, – вздохнул горожанин. – Милиционер – это полбеда...

– Да пошел ты в... – взъярился неожиданно для себя Малюта, давая старику точный адрес, куда тому следует двигаться. – Вали отсюда, пока не наломали!

– Мое дело предупредить... А дальше – сами решайте...

Непрошенный советчик пожал плечами и смешался с жиденькой толпой, вытесненной с площади на улицу 40-летия ВЛКСМ.

– Давай!!! – махнул рукой начальник охраны, и джип, взревев многолошадным мотором, рванулся с места.

Первое мгновение ничего не происходило и памятник стоял на своем каменном цоколе несокрушимый, словно скала. Но вот что-то хрустнуло, раздался жалобный протяжный скрип, и бронзовый истукан, переламываясь в коленях в невозможную для человеческой анатомии сторону, начал медленно клониться... Левая нога звонко лопнула, и все было решено...

Статуя с размаху рухнула на брусчатку, выбив целую тучу каменного крошева. Глазевший на все это непотребство Шкуро охнул и зажал ладонью скулу, рассеченную до крови острым осколочком, взвизгнувшим у его лица, словно пуля, но джип-победитель уже торжествующе волок громыхавшую по камням и быстро теряющую человеческий облик скульптуру, на поверку оказавшуюся пустотелой, вдаль по улице. Отломившаяся при падении вместе с частью плеча и лацканом пиджака рука на какой-то миг замерла, указывая в небо, пару раз качнулась, будто грозя кому-то, и с протяжным дребезжанием повалилась набок. На пьедестале осталась лишь одинокая нога, обломанная по колено и похожая на забытый кем-то пустой кирзовый сапог.

Жестяной грохот наконец стих, и над площадью повисла гнетущая тишина. Несмотря на удачный «демонтаж», участникам «шоу» стало отчего-то не по себе. Зеваки же, качая головами, начали потихоньку рассасываться, так и не выразив ни явного осуждения, ни одобрения действиям приезжих. Последним удалился старик в розовой кепке, который зачем-то подошел сперва к отломленной руке, присел возле нее и осторожно потрогал сверкающий на солнце излом металла. Стоявший рядом Ганс потом божился, что странный горожанин что-то шептал при этом, беззвучно шевеля сморщенными бесцветными губами. Словно молился или ругался про себя...

А вот постамент, сделанный когда-то добросовестными немцами «на века», оказался джипу не по зубам. Помаявшись без толку больше часа, его решили до поры оставить в покое, тем более что против старинной каменюки без бронзового Ленина наверху Шалаев, который в позе Наполеона, любующегося горячей Москвой, наблюдал за экзекуцией из высокого окна, не слишком-то и возражал...

* * *

Гавриил Игоревич проснулся не в самом лучшем расположении духа.

Вчера с Холодным и Малютой они слегка посидели над бутылочкой «Хенесси», и под утро разыгралась язва, казалось, давно залеченная и благополучно позабытая. Патентованные таблетки желаемого облегчения не принесли, и пригасить ноющую боль в боку удалось лишь ударной дозой спиртного. Шалаев забылся уже на рассвете под какой-то мерный металлический стук снаружи.

Засыпающему бизнесмену представлялось, как кто-то слабосильный – старик или юная девушка – несет по площади тяжелое ведро с водой и ежесекундно ставит его на камень, чтобы передохнуть. Он хотел было приказать, чтобы охранники прекратили такое безобразие, но внезапно провалился в сонный колодец...

Во сне он видел себя стоящим на той же площади, спиной к осиротевшему постаменту, а со всех сторон его окружали одинаковые бронзовые Ленины, каждый из которых указывал на него рукой. На множестве стандартных лиц играли торжествующие улыбки, круг медленно сжимался, не оставляя Гаврюше пространства для маневра. Когда металлические пальцы в десятке мест уткнулись в его грудь и начали понемногу вдавливаться в живую плоть, причиняя неимоверные страдания, бизнесмен подскочил на постели с хриплым задыхающимся криком.

Продолжая подвывать, он сполз с роскошной кровати и только тогда обнаружил, что спал, лежа грудью на невесть как очутившемся под одеялом пульте дистанционного управления от роскошного плазменного телевизора, стоящего в углу.

– Чертовщина какая-то...

Во рту пересохло, и язык ворочался там, буквально скрежеща изнутри о щеки. Потирая все еще ноющие от японской пластмассовой шутовщины ребра, Гавриил Игоревич влез в комнатные тапочки, прошлепал к столу и, морщась, выхлебал полбутылки тепловатой минеральной воды без газа, оставшейся с вечера. Помогло слабо, только вновь пробудился затихший желудок...

– Гадство какое... Вообще, что это за спартанские условия, блин?! – морщась от боли, забежал по комнате бизнесмен, пиная ногами не такие уж «нищенские» предметы обстановки: новую штаб-квартиру «Гишпаний» декорировал и обставлял не самый дешевый дизайнер. – Все. Сажусь на диету, никаких излишеств, все только по совету врача... Вот только устаканить этого мэра, и сразу в Карловы Вары или в Монтекатино...

Чтобы отвлечься, он распахнул шторы на окне, выходящем на площадь, и выглянул наружу.

Солнце еще не поднялось, и между домами царил прозрачный сумрак, усиленный туманом, видимо, наплавившим с протекающей где-то неподалеку реки или озера. Автомобили застывшими мокрыми дельфинами окружили постамент, вокруг ни души... Только вот кто-то забрался на пьедестал и пародирует только что снесенный памятник. Шутники, иттить их...

Шалаев вгляделся и, забыв про ноющий бок, ринулся к двери...

Наружу, в предутренний сырой и промозглый холод, он выскочил через какие-то полторы минуты, переполошив половину охраны и забыв даже накинуть что-нибудь поверх пижамы от Армани.

А еще, наверное, полчаса простоял он, потеряв дар речи, перед постаментом, на котором как ни в чем не бывало возвышался памятник все тому же Ильичу, с целыми руками и ногами, ничуть не пострадавший после вчерашнего варварского сноса, только почему-то повернутый лицом в противоположную сторону.

И рукой указывал он уже не на балкон с дамскими панталонами, а прямо на окно шалаевской спальни...

* * *

– Это мэр! Его рук дело!..

Гавриил Игоревич бесновался уже второй час. Особенно истеричными его вопли стали, когда выяснилось, что среди прибывших с ним боевиков недосчитались двоих – Ганса и того, кто сидел за рулем «джипа», свернувшего памятник с постамента, а главное, самой машины.

– Слияли сямки! К Мельнику переметнулись! В асфальт с... закатаю!

– Почему к Мельнику-то? – задал резонный вопрос Малюта, не видевший в отсутствии двух бойцов ничего особенно криминального, кроме элементарного нарушения дисциплины, пусть даже и злого. – Он им что – медом намазанный? Может, пацаны просто по девкам рванули или за водкой... Сами ведь «сухой закон» ввели...

– А что ты их защищаешь? – сменил объект нападков Шалаев. – Выгораживаешь своих кадров, спецназовцев?

– Да, я офицер спецназа и горжусь этим, – набычился начальник охраны. – Не в Москве вышаркивался, чай, – чего стыдиться?

– Бывший офицер, – вставил, елеяно улыбаясь, Лодзнер. – Бывший. Поперли вас из спецназа, ваше благородие.

– А ты молчал бы, – медленно повернул в сторону шутника массивную, будто танковая башня, голову Малюта. – Крыса канцелярская!..

– Хватит! – стукнул кулаком по столу Холодный. – В самом деле, Гавриил Игоревич: почему к Мельнику?

– А потому что и тот Ильич, и этот! – фыркнул Малюта, отходя понемногу от обиды, но никто неуклюжей шутки не поддержал.

В дверь спальни ворвался было боец, но при виде совещающихся командиров отскочил назад и притворил за собой дверь.

– Чего тебе? – гаркнул Гаврюша, готовый сейчас размазать по стенке любого, неважно – свой это или чужой.

– Это... – просунул в дверь сконфуженную физиономию парень. – Джип нашли...

– Где?!!

Собственно говоря, джипом то, что нашли ребята Малюта в одной из близлежащих улочек, назвать было уже затруднато.

Действительно, редкий знаток смог бы теперь опознать некогда сверкающий красавец-автомобиль. Вернее, угадать в сплюсненном в лепешку «сэндвиче» из металла, битого стекла, резины, пластмассы, кожаной обивки и прочего «ливера», которым зарубежные умельцы начинают свои недешевые изделия. Причем эта «жестянка» производила впечатление отнюдь не вышедшей из-под пресса для металлолома, а скорее попавшей под копыта целого стада диких бизонов, мчавшегося куда-то по своим неотложным бизоньим делам.

– А Ганса с Хомяком там случайно нет? – поинтересовался Малюта, присев рядом с покойным «лендкрузером» на корточки и пытаясь заглянуть в окно, превратившееся в смотровую щель, утыканную острейшими осколками.

– Да вроде нет... – пожал плечами Шкуро, красующийся нащепкой пластыря на щеке, словно фронтовик – нашивкой за ранение. – Если бы их там жулькнуло – кровищи было б море...

Но крови вокруг автомобиля, превратившегося в непригодный даже на переплавку лом, не наблюдалось. Разве что лужа бензина, перемешанного с маслом, антифризом и кислотой из аккумулятора, имела место.

– Точно! – хлопнул себя по лбу до сих пор молчавший юрист Масиян. – Вспомните, что за фабричка тут стоит под боком!

– А при чем фабрика-то? – оторвался Шалаев от созерцания павшего железного коня.

– Смотрите... – законник выхватил из кейса тонкую пачечку листов и прочел, водя по строчкам длинным узловатым пальцем: – «Основная продукция: культурно-художественные и религиозно-культовые изделия из металла и камня...»

– Ну и что это за культурно-художественные изделия? – не понял Гаврюша, морща веснушчатый лоб.

– Да памятники же!

– Точно!.. – просветлел лицом Холодный. – Того сломанного Ленина ночью потихоньку уволокли, а точно такого же со склада сюда приперли и поставили – пусть, мол, московские голову себе ломают! А джип, поди, кувалдами расчихвостили там же и сюда на буксире приволокли. Нате, мол, получите!

– Они что – войну мне объявили? – недоуменно протянул Шалаев и тут же заорал, наливаясь нездоровой краснотой, будто помидор; – Да я этого Мельника самого вместо памятника поставлю!.. – И тут же справился с собой: – Так. Этого нового картового – на фиг, тем же способом, а мы – на завод...

* * *

Охраняющий проходную «Красного литейщика» вохровец преклонных лет даже не успел толком испугаться...

Посыпавшиеся горохом из внезапно появившихся перед кирпичным сарайчиком громоздких иномарок стриженные крепкие парни в кожанках отняли у старика его антикварный наган, несильно двинули в ухо и распахнули ворота, едва не сорвав их от усердия с петель. Блеститель порядка лишь бессильно проводил ошарашенным взглядом промчавшуюся на территорию охраняемого объекта кавалькаду, возглавляемую длинной белоснежной машиной невиданной марки. И только после этого сообразил схватиться за телефон, треснувший еще в эпоху «развитого социализма» и примерно тогда же обмотанный допотопной матерчатой изоляцией... Завод встретил пришельцев тишиной и запустением.

Большинство цехов оказалось заперто на ржавые висячие замки, а там, где еще теплилась какая-то жизнедеятельность, рабочих, ползающих словно полусонные осенние мухи, можно было сосчитать по пальцам. В заводоуправлении, напротив, жизнь была ключом...

Наверняка подобного здесь не видели с весны 1945 года, когда озверевшие от упорного сопротивления в Восточной Пруссии бойцы победоносной Красной армии брали штурмом каждый дом, превращенный немцами в узел обороны. Ну, может быть, случалось еще что-то подобное в девяностых, в самый разгар всероссийских представлений «маски-шоу»...

Слухи о вторжении в патриархальный Краснобалтск «чужих» добрались и сюда, поэтому всяческий служилый люд, наполнявший многочисленные кабинеты, беспрекословно повиновался захватчикам, даже не пытаясь качать права. Абсолютная непринадлежность к правоохранительным органам читалась на покатых лбах «кожаных» настолько ясно, что вопросов вроде «А какое, собственно?..» вообще не возникало.

Заведующий складом готовой продукции отыскался на втором этаже и теперь вприпрыжку летел впереди толпы сумрачных «крутых». Двое мордovorотов ласково подпинывали его в обширное мягкое место и заботливо поддерживали под локотки при каждой попытке потерять равновесие. Если бы у высоченной двери некоего гибрида ангара и пакугауза вышла заминка (ключ, к примеру, потерялся бы или еще что-нибудь стряслось), толстячку вряд ли удалось бы дожить до спокойной старости. Доведенный до высшей точки накала Шалаев мог отдать такое указание, что... Но Господь услышал страстные мольбы кладовщика, и все замки благополучно отомкнулись, засовы сдвинулись, и даже свет включился без обычных в последние годы капризов.

Тусклое сияние неохотно разгорающихся ламп дневного света, пыльных до неприличия, помигав, озарило огромное помещение, и сгрудившимся у ворот «захватчикам» сперва показалось, что склад пуст... Но, приглядевшись, они поняли, что пространство, принятое ими за мощенную круглыми булыжниками площадь, – это сотни и сотни голов, уходящих правильными рядами куда-то в бесконечность...

– Сколько их тут? – ахнул кто-то из бойцов за спиной насупившихся «генералов», и кладовщик со сдержанной гордостью заявил:

– Двести семьдесят восемь бронзовых и без малого пятьсот бетонно-гипсовых. Согласно складской документации. Это только Владимиров Ильичей, а на втором складе – пионер гипсовый артикул восемь тысяч...

– Куда же столько?

– Куда? – изумился толстячок, высоко подняв кустистые, словно у покойного генерального секретаря, брови. – А это, извините, не наше дело! Был план – мы производили. И замечу вам – склады всегда пустые стояли, продукцию из рук рвали, в очередь выстраивались... Аж до самого девяносто третьего завод на полную мощность работал, – вздохнул «генсек». – Вывоза не было, а мы все лили и лили, лили и лили... А потом, наоборот, привозить отовсюду стали на переплавку, но это уже не здесь, а на четвертом складе...

– Ну и ладно! – обрел наконец дар речи Шалаев. – Цветнину на продажу, чтобы хоть джип окупить, а прочую лепнину – в мусор... Чего стоите?

– А документик у вас соответствующий имеется? – подал было голос кладовщик, но Малюта, хмыкнув, тут же поднес ему к лицу огромный кулачище:

– Такой сойдет? Могу и печать поставить...

Оказалось, что памятники, никак не закрепленные на бетонном полу склада, валятся, будто костяшки домино, от малейшего толчка, и вскоре помещение заполнилось медным дребезгом, каменным грохотом и прочим лязгом. Бойцы топтали поверженных Ильичей тяжелыми ботинками, раскачивались на них, как на качелях, отламывая указующие конечности, колотили обрезками труб и кирпичами...

Производительность варварского труда сразу возросла, когда посланные по цехам бойцы притащили охапки кувалд, для каких-то целей имевшихся на заводе в изобилии. Тут уже к распоясавшимся вандалам присоединились и руководители.

– Подтаскивай следующего! – орал давно скинувший дорогой пиджак, ослабивший узел галстука и закатавший рукава сорочки до локтей Гавриил Игоревич, как никогда похожий сейчас на Гаврика-Шалавого, орудующего бейсбольной битой, словно в старые добрые восьмидесятые. – Поудобнее, поудобнее мне разверни с... картавую!..

И с лязгом вонзал тяжелый стальной боек в покрытый благородной патиной лоб мыслителя, в интеллигентскую бородку, в навечно отглаженные лацканы бронзового пиджака.

– А этот что-то тяжеловат... – пропыхтели Малюта с Холодным, подтаскивая очередного Ильича вместо предыдущего, превращенного в бесформенный и прорванный местами ком «цветнины». – Цельнометаллический, что ли?

– Ни фига! Поуродуем и целикового!..

Но кувалда, вместо ожидаемого жестяного грохота, вонзилась в бронзовую плоть с каким-то влажным всхлипом, а из-под сплющенного металла во все стороны брызнули струи темной жидкости...

Ничего не понявший шеф по инерции нанес еще пару ударов, пока до него не дошло, что кругом стоит мертвая тишина, а все с ужасом взирают на занесенный инструмент, с которого на белоснежную рубашку срываются темные капли, тут же расплывающиеся на влажной от пота ткани фантастическими алыми цветами.

Гавриил Игоревич перевел глаза на смятого Ильича и выронил кувалду: из-под металлической туши расплывалась, подбираясь к длинным носам щегольских лакированных туфель, черная, маслянисто поблескивающая лужа.

– Что там внутри? – взвыл он, пытаясь оттереть о брюки перемазанные багровым, словно у мясника, ладони. – Вскройте его!!!

– Ножовку... Ищите ножовку... – пронеслось по замершим рядам шалаевского воинства. – Ножницы какие-нибудь...

Пилить скользкий неподатливый материал выпало обмирающему от страха кладовщику, но когда из-под смятой металлической маски, кривящей тронутые патиной губы в саркастической улыбке, глянул выпученный мертвый глаз, он не выдержал и, не удерживаемый более никем, бросился к воротам, подвывая от смертного ужаса...

Освободить из бронзовой оболочки изувеченное тело бойца, вчера сидевшего за рулем злополучного джипа, удалось с величайшим трудом...

* * *

У ворот «гишпанцев» ждали.

Силы, которые стянул к «Красному литейщику» мэр, по сравнению с бригадой Шалаева выглядели просто смехотворно: чертова дюжина милиционеров, большей частью предпенсионного возраста, человек шесть более молодых, способных с натягом сойти за «качков», вероятно, его личные телохранители, и пара десятков явных интеллигентов, причем на две трети совсем не бойцовского пола и конституции. В обычное время вся эта братия оказалась бы натасканным волкодавам Гаврика на один зубок, но теперь...

Кавалькада медленно, словно похоронная процессия (а она теперь и была таковой по сути), прокатилась мимо молча расступавшихся горожан и скрылась в узких улочках.

– Что произошло? – подступил мэр к кладовщику, которого отпаивали валерьянкой сердобольные сослуживицы. – Куда эти... сунулись?

– Склад... – едва смог выдавить из себя мучающийся одышкой толстяк, которого все еще колотила мучительная дрожь.

– Третий или четвертый? – подавшись вперед, схватил его за воротник рубашки мэр. – Пятый?!!

– Первый...

– Первый? – Рука Степана Ильича разжалась, и он успокаивающе похлопал мужчину по трясущемуся плечу. – Тогда – ерунда...

Обернувшись к вытягивающим шеи зрителям, Мельник буркнул:

– Все. Разъезжаемся. Ребята наскребли себе по полной программе... Не забудьте: вариант «А»!

Через несколько минут площадка перед проходной «Красного литейщика» опустела. Только в будке вместо старичка-вахтера остался сидеть один из телохранителей мэра...

А возле бывшей гостиницы обстановка еще более накалилась.

Едва лишь лимузин Шалаева остановился возле вновь осиротевшего постамент, автомобиль тут же облепили растерянные бойцы.

– Чего вам? – грубо одернул Малюта парней, совсем забывших про субординацию и лезущих прямо к шефу, сейчас совершенно не расположенному беседовать на какие бы то ни было темы. – С ума тут посходили? Куда прешь?.. – рванул он за кожаный локоть одного, самого настырного. – В лоб захотел?

– Отстань!.. – Зрачки маленьких бесцветных глазок в обрамлении рыжих ресниц выглядели на белом веснушчатом лице пулевыми пробоинами в мишени. – Отстань, говорю!..

Начальник охраны мазнул взглядом по куртке, оттопыривающейся на животе, там, где за опояску брюк, как он знал, был засунут пистолет, и медленно разжал пальцы.

– Что произошло-то?

– А вон...

Парень мотнул головой куда-то за спины товарищей, и те нехотя расступились.

Поверженный памятник лежал почти там же, где и вчерашний, выглядел примерно так же, только из-под смятой металлической туши теперь расплывалась темная лужа, частью уже успевшая впитаться в щели брусчатки. Да из рваного пролома на месте отсутствующей бронзовой конечности свешивалась чья-то рука, неестественно вывернутая в суставе.

– Ганс? – шепотом, косясь на индифферентного шефа, сторбившегося на заднем сиденье автомобиля, осведомился Малюта.

– Он... По часам на руке опознали...

* * *

– Я не знаю, как это все случилось, – Холодный несчетный раз мерил шагами из угла в угол шалаевскую спальню, поскольку «совет» длился давно. – Я ни в чудеса, ни в мистику разную не верю... Я даже фантастику в детстве не любил читать! – с вызовом остановился он напротив Малюты, который сидел, уронив огромные руки на колени.

– А это как раз зря... – донесся из угла ехидный, как всегда, голос Лодзнера. – Хорошо, знаете ли, мозг развивает...

– Заткнись, Моисеич! – простонал шеф, простершийся на своем роскошном ложе, будто умирающий римский император в окружении слуг. – Не до твоих прикольцев... Продолжай, Миха...

Все условности были забыты. Генералы «Гишпании» вновь стали теми «фартовыми пацанами», какими начинали в середине восьмидесятых. Без чинов и званий...

– Может, и не обошлось без мистики, конечно. Как иначе живого человека в бронзовую куклу закатать, чтобы ни шва, ни разъема... Но пусть в этом попы разбираются, это им по должности положено. Или фантасты те же.

– Ты-то чего предлагаешь?

– Валить нужно отсюда, вот и все! Прямо поутру и валить! Чего ждать? Гори он синим пламенем, этот Тёйфелькирхен...

Холодный остановился на полушаге с поднятой ногой:

– Так, может, он поэтому так называется?..

– Между прочим, это твоя идея.

– Ну моя, моя... Каюсь! Но не подыхать же нам тут из-за всего этого?..

– Мэра кончать нужно, – заявил вдруг Малюта, не поднимая взгляда.

– Почему? Он-то здесь при чем?

– Нужно кончать, – упрямо повторил боевик. – Не знаю, как и каким боком, но это его рук дело. Чую...

– Ладно, – буркнул шеф с постели. – Поутру и отчалим. А с Мельником этим потом разберемся.

– Чего до утра ждать? – подскочил на месте Холодный. – Прямо сейчас!

– Не гони волну, время есть... Шалаев ошибался...

Где-то за окном ударил выстрел, другой, простучала короткая очередь, раздался крик, тут же захлебнувшийся на странной ноте...

– Что там? – повскакивали все со своих мест, даже шеф приподнялся на своем ложе.

Выстрелы уже звучали не переставая. Канопада, отражаясь от стен домов, усиливалась многократно, и уже невозможно было отличить выстрелы от порождаемого ими эха. В окнах же, кроме вспышек от выстрелов, ничего различить не удавалось.

Малюта с выхваченным из-под мышки «Стечкиным» бросился к двери, бледный Лодзнер тыкал трясущимся пальцем в кнопки мобильного, Холодный вытаскивал из шкафа бронежилеты для себя и шефа...

Один лишь Шалаев не двигался с места, уставившись незрячими глазами куда-то в потолок и беззвучно шевеля губами. Рука сквозь ткань на груди тискала нательный крест.

Нет, святости в этом золотом гимнасте³ размером с добрый архиерейский не было ни на грош... Но, сталкиваясь с inferнальным лицом к лицу, мы всегда тянемся к чему-то, что вселяет надежду, хотя бы толику уверенности...

А выстрелы и вопли гремели уже в доме.

– Гаврик! – теребил Михаил заторможенного Шалаева, запихивая его безвольное тело в фирменный бронежилет, насильно всовывая в руку многозарядный «Глок» и затравленно озираясь. – Пора валить отсюда, очнись!

Но бежать уже было некуда.

В помещение спиной вперед ввалился окровавленный Малюта, на ходу переворачивая и вставляя в автомат новый магазин, по-афгански, синей изолентой, туго прикрученный к опустевшему.

– Чего там, Серый? Ментовские или крутые?

– Хуже...

Бывший спецназовец высунулся на мгновение в коридор и дал куда-то короткую очередь. Отшатнулся и, снова высунувшись, бабахнул уже из «подствольника».

– Ага! – На оживившемся широком лице, покрытом кровью из множества мелких порезов, цвела шальная улыбка. – Не нравится?.. Миха, еще гранаты есть? Их пули не берут, гадов!

– Да кто там? – заорал во всю глотку Холодный, тоже вытаскивая из шкафа зацепившийся за что-то автомат. – Контора? Гоблины?⁴

– Памятники! – проорал в ответ Малюта. – Гранаты давай!!!

– Ты с ума сошел... Это ведь...

– Гранаты-ы-ы!..

Дверь содрогнулась от могучего удара, и дорогой шпон пошел трещинами, расходящимися из одной точки, словно с другой стороны в филенку ударили средневековым тараном или боднул взбесившийся носорог. Малюта, отскочив в сторону и присев на широко расставленных ногах, выпустил в это место длинную очередь, но лишь помог нападающему, лишив преграду остатков прочности.

Внутри брызнул фонтан щепок, и в образовавшееся отверстие просунулась темно-серая конечность...

Да-да, именно конечность, поскольку рукой это назвать было невозможно: в запястье ее толщина равнялась мужскому колену. Еще один удар, и дверь рухнула, пропуская внутрь темную фигуру, головой царапнувшую высокую притолоку.

Разглядеть пришельца подробно не удалось: одна из пуль очереди, выпущенной боевиком практически в упор, рикошетом чиркнула по потолку, и помещение погрузилось в полутьму.

Михаил различил, как Малюта, отшвырнув бесполезное уже оружие, как древний берсеркер рванул из ножен нож и бросился на гиганта...

От сиплого сдавленного стога, тут же сменившегося влажным хрустом, мужчину чуть не вырвало, но он пересилил себя и волоком потащил Шалаева к окну.

³ Гимнаст (жарг.) – нательный крест с распятием.

⁴ Гоблины (жарг.) – бойцы спецназа.

«Невысоко... Там джипы... Прорвемся...»

Заячий крик Лодзнера резанул по ушам и как будто разбудил шефа.

– Отпусти! – сердито вырвал тот руку. – Не мешай...

Ничего не понимая, Холодный выпустил его и попятился.

– Всем нам воздастся по делам нашим! – торжественно и назидательно сообщил Гавриил Игоревич своему помощнику, беспечно повернувшись к неторопливо приближающейся туше спиной. – В свое время...

Не обращая внимания на движение Михаила, пытающегося его остановить, глава «Гишпании» вскинул пистолет к лицу, нелепо широко распылил рот, охватывая губами толстый вороненый ствол, и спустил курок...

* * *

Михаил Холодный бешено крутил баранку, выруливая между деревьями, вырастающими из темноты перед капотом неожиданно, словно пешеходы, перебегающие через дорогу.

Он вырвался! Ему удалось!

«Аналитический склад ума», как было давным-давно, в прошлой, наверное, жизни записано в его школьной характеристике, выручавший десятки раз из самых безвыходных ситуаций, спас и теперь.

Еще крутясь по лабиринту узеньких улочек, Холодный понял, что соваться сейчас на дорогу – все равно что добровольно лезть в петлю. Не-е-ет! Он не дурак... Он рванет напрямик через лес, потом тихим ходом на какой-нибудь проселок и – ходу! Даже если придется выскочить на пограничную заставу – это ничего, сущая ерунда по сравнению с ночным ужасом...

Кстати, если подумать, то любой мистике можно найти реальное объяснение. Не бывает оживших статуй, и все тут! Не бы-ва-ет! Это просто люди. Живые люди, допустим, в каких-то пуленепробиваемых балахонах. Люди мэра... Точно! Это люди мэра! И выкрутасы с телами внутри бронзовых чучел – их рук дело... Каким образом? Не важно. Не допускать же, в конце концов, существование оживших скульптур? Так черт знает до чего додуматься можно... Чертова жадность!.. Чертов город!.. Тейфелькирхен!..

Впереди замелькали просветы между деревьями, и автомобиль с ревом выскочил на проселочную дорогу, по-немецки аккуратную, лишь чуть-чуть изуродованную за прошедшие шестьдесят лет всяким «неподходящим» транспортом вроде танков и тракторов, не предусмотренных при ее постройке.

«Глушитель оторвал, – подумал Михаил, автоматически прикидывая стоимость заморской железяки – верный признак, что шок от катастрофы уже на исходе. – Хреново... Теперь первый встречный гаишник...»

Впереди в мутном от поднимающегося тумана предутреннем сумраке замаячили три или четыре фигуры. Вот вытянутая останавливающим жестом рука...

«Накаркал... Идиот...»

Заглушив двигатель, Холодный распахнул дверь, заученно причитая:

– Командир, может, договоримся?..

Он пристальнее взглянул на неподвижные тени, и язык его примерз к гортани...

«Патрульных» было всего двое, а то, что Михаил сначала принял за силуэты людей, оказалось громадными крыльями, в сложенном виде возвышающимися над головами тварей, ничего общего с человеком не имеющих.

– Помо-о-о...

Вольный город Франкфурт-на-Майне, 1859 год.

– Что бы вы хотели, уважаемый герр Трауберг?

Небольшое помещение погружено в багровый полумрак, едва-едва рассеиваемый чуть тлеющим масляным светильником под колпаком из красного стекла. Хозяин невысок, лыс, как колено, и более всего похож на разжиревшую до невероятных пределов крысу. Гость же, напротив, высок и статен, хотя резкие черты его лица, наполовину скрытого шелковой полумаской, неопровержимо утверждают, что он давно перевалил экватор жизни.

Толстяк кривит тонкие губы в презрительной усмешке: разумеется, надев маску, посетитель скрыл и свое истинное имя, как и подавляющее большинство других мужчин и женщин, по разным причинам наведывавшихся сюда.

– Я бы хотел, чтобы вы призвали Его... – бесцветным голосом, чуточку устало, говорит человек в маске.

– Разумеется! – всплескивает пухлыми ладошками человек-«крыса». – Чего же еще ждать! О причинах, приведших вас сюда, не спрашиваю, но сама процедура будет стоить...

– Сумма меня не интересует, – сухо обрывает его посетитель и небрежным жестом выкладывает на стол, покрытый черным бархатом, глухо звякнувший кошелек.

– Тогда сразу приступим к делу! – оживляется хозяин. – О чем бы вы хотели побеседовать с Князем Тьмы, уважаемый герр Трауберг?

– Беседа меня не устроит... – качает тот головой. – Только личная встреча... С глазу на глаз.

– Но вы понимаете, с каким риском это сопряжено? – заговорщически понижает голос крысообразный. – Это же не зеленщика кликнуть или мальчонку-посыльного!.. Это же САМ!..

– Я в курсе. Вы, знаете ли, не первый, к кому я обращаюсь, герр Обвальд. Ритуал мне, в принципе, известен.

– Но вы же понимаете, что я должен подготовиться? Князя Тьмы нельзя просто так вытащить, словно мелкого демона...

– А демона вы можете вызвать прямо сейчас?

– Нет, но...

– Все ясно, – посетитель презрительно усмехается, прячет кошелек, стремительно поднимается из-за стола и, не прощаясь, направляется к выходу.

– Постойте! А ритуал? А плата, в конце концов?

– За что? – на мгновение оборачивается человек в маске.

– Я, магистр Черной Магии, потратил на вас свое драгоценное время, а вы...

На стол перед человеком-«крысой» шлепается одинокая серебряная монетка в два с половиной зильбергроша,⁵ и тут же хлопает дверь...

* * *

Тейфелькирхен, 1859 год

«Все бесполезно...»

Юрген устало поднялся к себе на второй этаж и, не снимая верхней одежды, упал в кресло. Бессмысленно потраченные полгода лежали на его плечах тяжким грузом.

⁵ Прусский зильбергрош равнялся 1/30 талера.

Как горько оказалось воспитанному в лучших католических традициях человеку осознать, что встретиться с дьяволом настолько сложно. Еще со слов добрейшего священника, учившего его в детстве Закону Божьему, Виллендорф помнил, что Нечистый спит и видит, как бы прикарманить заблудшую христианскую душу. Размечтались!

Скульптор исколесил всю Германию в поисках чернокнижника, способного свести его с Покупателем, но кто бы мог подумать, что все до одного они окажутся жуликами, в лучшем случае способными на чревоущание. Весь же богатый и разнообразный «магический» антураж – бутафорией, рассчитанной на легковверных барышень и запутавшихся игроков и казнокрадов, готовых на все, лишь бы поправить свои дела.

Правда, знающие люди, которых Юрген на своем пути повстречал немало, давали ему самый простой рецепт: согреши, мол, и Князь Тьмы не заставит себя долго ждать... Но как раз опускаться до банального греха художник не желал. Не хотелось ему ни красть, ни прелюбодействовать, не преступать клятву, не говоря уже о более страшных прегрешениях. Он просто хотел заключить сделку с силой, способной ему помочь, причем, как человек неглупый и прагматичный, не без выгоды для себя. Увы, в этом шарлатаны, именующие себя магами и медиумами, помочь ему не могли...

Доведенный до отчаяния, он в безбожном Гамбурге за бешеные деньги приобрел из-под полы здоровенный фолиант с перевернутой пятиконечной звездой на обложке, где черным по белому говорилось, как вызвать Злого Духа самостоятельно. Продавец – юркий человечешко, происходящий, судя по всему, откуда-то из Леванта,⁶ – клялся сразу всеми богами и святынями на свете, что книга самая что ни на есть подлинная и лишь за одно упоминание о ней лет сто тому назад в Европе сжигали на кострах, а во всех прочих местах – без затей сажали на кол. Времена с тех пор переменялись, церковь стала более покладистой, но и до сих пор книга стражайше запрещена...

С трудом найдя заброшенную и оскверненную церковь, в полночь, начертив на полу перевернутую пентаграмму и скрупулезно исполнив все перечисленные в книге ритуалы, Виллендорф долго взывал к дьяволу, но опять-таки не был услышан.

– Неужели я даже не смогу продать свою душу? – горько спросил Юрген куда-то в глубину своей спальни, освещенной лишь слабыми лучиками уличного фонаря, пробивающимися сквозь щели решетчатых ставен.

– Душу?.. – откликнулось странное эхо, которого он ранее никогда не замечал.

– Кто здесь? – воскликнул скульптор, чувствуя, как иррациональный страх щекоотными ледяными мурашками разбегается по спине: ему уже казалось, что он различает в дальнем углу темную фигуру, которой там раньше вроде бы не было.

Не отводя глаз от темного призрака, он слепо зашарил по столу в поисках новомодного шведского изобретения, именуемого спичками.

Спичка вспыхнула с ядовитым шипением, на миг ослепив скульптора своим фосфорным пламенем, а когда в глазах перестали трепетать зеленые круги, темный силуэт, который он принял за непрошеного гостя, превратился в одну из статуй.

Конечно, это было не простое изваяние, одно из тех, которыми заставлено все внизу, а скульптура Самого, причем не в каноническом, так сказать, виде козлорогого чудовища, а наоборот – вполне добропорядочного внешне, пожилого, много повидавшего на своем бесконечном веку человека. Таким Соблазнитель Людей явился к Виллендорфу однажды во сне. Правда, и тогда он не желал разговаривать, а лишь с интересом разглядывал самого ваятеля и его творения, которые тот в своем сновидении показывал странному экскурсанту, давая по

⁶ *Левант* – практически вышедшее из употребления название Ближнего Востока, точнее – восточного побережья Средиземного моря. Ныне – Сирия, Ливан, Израиль.

каждому пространные комментарии. Проснувшись, Юрген решил поставить образ ночного ценителя в своей комнате вместо распятия, которого с некоторых пор сторонился.

– Всего лишь галлюцинация... – вздохнул он, зажигая настольную лампу и энергичными взмахами взятой со стола папки стараясь разогнать едкую химическую вонь от сторовшей «новинки», висящую в неподвижном воздухе.

– Разве?..

На этот раз и речи никакой не могло идти об эхе, да и раздался неожиданный вопрос сзади...

* * *

– Как вы сюда вошли?

Виллендорф отлично помнил, что, войдя, повернул ключ в замке... Или не повернул?.. А может быть, ночной гость был в комнате еще до его появления? Неужели Мартапустила посетителя, не предупредив об этом?

– Не мучайтесь, – ответил совсем не на тот вопрос, который был высказан, пришелец, медленно обходя кресло с по-прежнему сидевшим в нем скульптором. – Вы заперли дверь, а Марта ничего о моем визите не знает... Я, признаться, не имею обыкновения предупреждать заранее о своем приходе...

Закутанный в длиннополый плащ с капюшоном, низко надвинутым на глаза, незнакомец несколько походил на монаха из монастыря Зильберштауфен, расположенного в нескольких милях отсюда. Но что могло понадобиться священнослужителю в доме отрекшегося от Бога художника, да еще в такой поздний (или ранний) час?

«Верно! – промелькнуло в голове у Виллендорфа. – Именно у безбожного... Так, значит, рассказы о все еще действующей под покровом тайны инквизиции не вымысел?..»

– Не совсем так, – усмехнулся гость, без приглашения усаживаясь в кресло напротив хозяина, вольготно там разваливаясь и закидывая ногу за ногу: Юрген автоматически отметил сапоги для верховой езды, показавшиеся из-под распахнутых пол плаща. – Скорее, совсем наоборот...

– Прекратите меня разыгрывать! – повысил голос раздраженный всеми этими загадками скульптор. – Да, я в курсе, что в городе давно насмеваются над моим нежеланием верить в Бога, шушукуются за моей спиной, распускают сумасшедшие слухи. Поговаривают даже, что я хочу встретиться с Князем Тьмы...

– А разве это не так?

– Так. Но это не дает вам никакого права шутить надо мной, обрядившись в дурацкий балахон и подобрав ключи от входной двери. Откиньте сейчас же свой капюшон, как подобает мужчине, чтобы я мог взглянуть вам в лицо! Кто вы? Пивовар Томас Лаурер? Газетчик Пауль Янцен? Да, конечно же, Янцен! Я вас узнал, не трудитесь изменять голос! У вас отвратительный талант имитатора! Убирайтесь отсюда тем же путем, которым пришли, или я вызову полицию...

Слова еще лились изо рта разгневанного скульптора, но запал его уже угас, потому что незнакомец, повинаясь просьбе хозяина, вернее, приказу, откинул капюшон...

– Похож?

Сидящий в кресле человек из плоти и крови и стоящий в углу каменный истукан были похожи, как близнецы...

2

Краснобалтск, Калининградская область, 200... год.

Вера шагнула с вагонной подножки на растрескавшийся асфальт перрона и остановилась, озираясь.

– Ты бы отошла, милая, от вагона, – сварливо посоветовала краснолицая неприветливая женщина-проводник, ожесточенно протирая поручень, словно мимолетно коснувшаяся его девушка как минимум была убийцей и оставила на нем роковые отпечатки пальцев или страдала какой-нибудь опаснейшей болезнью, передающейся через прикосновение. – Поезд отправляется, не ровен час зацепит тебя чем-нибудь да за собой потащит... Вот в прошлом году был случай...

– Спасибо... – пробормотала девушка, испуганно отодвигаясь от вагона, и в самом деле уже плавно тронувшегося с места.

Постепенно ускоряя ход, поезд, простучав по стрелкам, ушел дальше, и перед Верой открылся вокзал с вывеской «Краснобалтск» над аккуратным старинным зданием из красного кирпича.

– Ну, здравствуй, город моей мечты... – саркастически пропела себе под нос девушка, пересекая загаженные и залитые мазутом железнодорожные пути по дощатым мосткам, норовившим схватить высокие и тонкие каблочки туфель зияющими щелями.

Бог ты мой! Ну что стоило этому жлобу Маркелову отправить ее в командировку самолетом? Юная женщина передернула острым плечиком под ремешком сумочки при одном воспоминании о сутках, проведенных в тесном душном купе с тремя мужиками, беспрестанно дувшими пиво и галантно, с их точки зрения, волочившимися за попутчицей! Правда, один из них – флотский офицер лет тридцати с небольшим (кто только придумал эти невразумительные звездочки на погонах!) – был вполне комильфо, но остальные...

А проклятые литовские пограничники с их неумеренной дотошностью?

– Прос-с-ститэ, – передразнила она акцент долговязого рыжего «мытаря», скрупулезно перебиравшего все вещи, высыпанные из сумочки на столик. – Што это у вас-с-с... Корвалол? Невозможно к провозу. Пс-с-сихотропное с-с-средс-с-ство...

А мама тоже хороша: насовала всяких медикаментов, будто провожала дочку куда-нибудь в тропическую Африку! Еще немного, и приняли бы за контрабандистку!

Раздраженно стуча каблучками и волоча за собой неподъемный чемодан на колесиках, девушка прошла через прохладный, ничем в архитектурном плане не примечательный зал ожидания с парочкой мучеников, дремлющих, коротая время до поезда (вероятно, следующего в обратном направлении), и оказалась на залитой клонящимся к западу солнцем привокзальной площади.

«Ну и куда дальше?»

Вера решительно не представляла, куда ей двигаться теперь, как добраться до гостиницы, и вообще – есть ли здесь гостиница? План города, конечно, имелся: выуженный из Интернета и красиво распечатанный на цветном принтере редакционным программистом Максимом, тайным Вериным воздыхателем. Но дело в том, что самая свежая из доступных карт города относилась к 1932 году. Что делать: реалии российской действительности – приграничная зона, до предела к тому же напичканная всякими военными прибабасами. Но и это еще не проблема. Веда в том, что все надписи на детальнейшей топографической карте оказались сделаны на

немецком языке, к тому же неудобочитаемым готическим шрифтом, а сам город там именовался Тейфелькирхеном.

С этой самой цветной, засунутой в прозрачный файл, бумажкой в руках и замерла девушка, в отчаянии пытаясь отыскать что-нибудь вразумительное в мешанине коричневых и зеленых прямоугольничков. Как теперь называется, к примеру, эта Вильгельмштрассе? Или Кронпринцфридрихплатц? Пушкина? Космонавтов? Ленина?..

– Что ищем, красавица? – раздалось совсем рядом, и Вера подскочила от неожиданности.

Из окна зеленой «шестерки», обшарпанной, но с практически бесшумно работающим двигателем, что и позволило ей подкрасться незаметно, выглядывал мужчина лет пятидесяти и широко улыбался, сверкая сплошным рядом металлических зубов. Внешность водитель имел вполне располагающую, но девушка все же приняла независимый вид.

– А вам какое дело?

– Прямое, – еще шире улыбнулся водитель. – Таксист я. Ты с московского?

– Ну да... – постаралась не заметить «тыканья» незнакомого мужчины журналистка.

«Он ведь пожилой уже... Мне в отцы годится...»

– Тогда садись – домчу с ветерком куда нужно.

– Да, но...

– По-божески возьму, не бойсь! Или ты с этими хочешь?

Таксист кивнул на троих чернявых смуглолицых индивидуумов в кожаных куртках, неодобрительно посматривающих в их сторону от сверкающих лаком красивых автомобилей.

– Н-нет...

– Тогда садись. Я только твой чемоданчик в багажник закину...

Минуту спустя драндулет уже колесил по узеньким, мощенным брусчаткой улочкам старинного города.

– У-у-у! – только покрутил головой Петрович, как он представился девушке, на ее просьбу отвезти к гостинице. – Скажешь тоже – гостиница! Была у нас одна, так давно уже фью-ють, и нету! Прихватизировали приезжие всякие крутые, москвичи... Я не слишком?

– Ничего-ничего, я сама не в Москве родилась.

– А где, коли не секрет?

– Почему секрет? – вздохнула Вера. – Никакого секрета. Я из Челябинска, в Москве восьмой год. Университет и... – она вовремя спохватилась и прикусила язычок – не хватало еще всякому встречному докладывать о редакционном задании. – И все такое.

– Восьмо-ой? – присвистнул таксист. – А лет-то тебе сколько?

– Двадцать пять, – почему-то смутившись, ответила девушка.

– Двадцать пять? – изумился Петрович. – А я-то думал – студенточка, если не школьница... И по каким делам к нам? Или в гости к кому?

– Нет, по делам. Работу собираюсь писать по немецкой архитектуре девятнадцатого века, – соврала Вера, решив, что для таксиста такая причина вполне сойдет.

– Да, архитектуры тут – хоть отбавляй... Удобств мало, а архитектуры – навалом. И девятнадцатого, и прочих веков... Вон, видала? – мужичок, пригнувшись, ткнул корявым пальцем в ветровое стекло.

Взглянув туда, журналистка различила под крышей одного из темно-коричневых зданий рельефное изображение злобного орла с широко раскинутыми крыльями. В лапах пернатый хищник сжимал дубовый венок с частично сколотой, но все равно хорошо различимой свастики.

– Одно время филиал рейхскомиссариата тут размещался, – со значением в голосе пояснил таксист. – Остланд – слыхала про такой? Чины тут берлинские заседали, бывало...

– А чего же не сбили? – спросила Вера, с трудом обретая дар речи. – Это же...

– Свастика? А кого у нас это интересует?

– Как это «кого»? А власти?

– Э-эх... Поживешь – увидишь... Куда прешь, ворона старая?! – Петрович резко вывернул руль, чтобы объехать выскочившего из еще более узкого переулочка-щели велосипедиста, на вид вряд ли намного старше его самого.

– Я тут пару-тройку недель назад одного парня к своей куме на постой устроил... Она вдовая, а квартира большая – вот и сдает комнаты... Так он тоже, говорит, работу пишет... Только не по архитектуре, а по памятникам разным. Тут их у нас до... ну много, в общем, памятников всяких.

Такси как раз пересекало маленькую площадь, в центре которой расположился сумрачный всадник на могучем коне.

– Скульптор тут какой-то знаменитый жил раньше... До войны еще. Причем, не до этой а до той – Первой мировой... Виллен... Виттен... Язык сломаешь, одним словом. Фон-барон какой-то. А памятников всяких наделал – куда там вашему Церетели! Вот и изучай – не хочу...

Петрович рулил минут пять молча, неодобрительно крутя головой, осуждая за неумеренное трудолюбие не то неведомого местного скульптора, не то чересчур известного московского, а потом вдруг оживился:

– Кстати! А может, и тебя к Михайловне моей свезти? Квартира у нее большая, комнатка и для тебя найдется... С оплатой договоримся – свои люди, а?

Конечно, соглашаться на предложение первого встречного не стоило, но чужой город уже сдавил нового пришельца в могучем кулаке брусчатых улиц, навевая тоску, дело шло к вечеру, да еще давала о себе знать почти бессонная ночь...

– Ладно, – кивнула Вера, насколько могла мужественнее. – Везите к своей Михайловне...

* * *

Комната оказалась совсем даже ничего – обжитая, уютная... Если бы еще не умопомрачительной высоты потолки, навевавшие на девушку, выросшую в стандартной «хрущобе», необъяснимую тоску...

– Паутину заметили? Вот, никак не соберусь побелить, – доверительно сообщила Вера хозяйка, не совсем верно истолковав ее взгляды вверх. – Высоко очень, а у меня давление... Боюсь со стремянки сверзиться, если голова закружится. Раньше-то у меня всеми ремонтными делами Валера заправлял...

Татьяна Михайловна пригорюнилась и вытащила из кармана цветастого домашнего халата скомканный платочек, чтобы промокнуть повлажневшие глаза.

– Нет, ничего, – поспешила успокоить непритворно расстроенную женщину журналистка. – Никакой паутины не вижу... А Валера – это кто?

– Муж ейный, Шандорин Валерий Степанович, – пояснил Петрович, все еще топчущийся, словно конь, в коридоре, хотя в его присутствии надобности уже вроде бы не было. – Крестный моего Витьки, а мне, соответственно, кум. А она, Михайловна то есть, значит, кума мне будет...

– Ой, извините, пожалуйста, Татьяна Михайловна! – смущенно перебила генеалогические изыскания таксиста Вера, запоздало сообразив, что сморозила глупость: ясно же было сказано – вдова!

– Ничего-ничего, дочка... Я уже привыкла. Шестой год пошел, как схоронила...

Девушка хотела было по-житейски поинтересоваться причиной смерти, но воздержалась: чего зря беречь душу человеку?

– Инфаркт у него был, – сама пояснила хозяйка, видимо, радуясь новому слушателю. – Первый-то ничего, легко перенес. Забывать уж стали, а тут – бац... И все, нет моего Валерочки...

Женщина порывисто вздохнула, промокнула глаза еще раз и сменила тему:

– Да что это я все про свое, да про плохое... Ну как, подходит вам жилье? Тут Лариска наша жила, пока замуж не выскочила. Упорхнула, егоза, в Калининград и только раз в полгода нос кажет. А я и не меняла ничего. Вам-то вроде как и удобнее в девичьей будет...

Вера сама не знала, рада она или нет.

С одной стороны, она вообще-то ожидала увидеть какую-нибудь комнатенку с облезлыми стенами, лампочкой под потолком и, в лучшем случае, металлической койкой. А тут такая роскошь: раскладной диван, накрытый пестрым покрывалом, чистенькие обои на стенах, шторы, письменный стол со старинной лампой... Но правду говорят: в обжитой комнате витает часть души предыдущего жильца... Девушка всегда тонко чувствовала это и с трудом устраивалась на новых местах: в студенческом общежитии, например, на съемных квартирах... В обезличенном быте гостиницы ей было бы проще, даже при сомнительном отечественном уюте и радушии сферы обслуживания.

– Я ведь недорого прошу, – забеспокоилась вдова. – По-божески, так сказать. Хотя, если много...

– Нет-нет, все в порядке! – успокоила ее Вера, доставая из сумочки деньги: чего грешить – в Москве за такую сумму не снимешь комнату и на ночь, даже на окраине, не то что на две недели. – Вот, возьмите, пожалуйста.

– Ой! Вы мне, кажется, лишнего дали! – испугалась Татьяна Михайловна, подрагивающими пальцами пересчитывающая купюры. – А у меня сдачи не будет с тысячи... Петрович, ты не разменяешь?..

– Ничего-ничего! Не надо сдачи. Когда съезжать буду – тогда и рассчитаемся.

Женщина была откровенно симпатична Вере и чем-то напоминала мамину сестру тетю Галю...

– Тогда я чайку вам заварю с дороги! – засуетилась хозяйка. – Вы пока обустраивайтесь...

– А может, этого... – Петрович выразительно щелкнул себя по шее. – Отметим новоселы? У тебя есть, Михайловна? А то я и сбегать могу. Я вроде как смену свою закончил...

– Знаешь, – решительно подтолкнула таксиста к выходу Татьяна Михайловна, – иди себе! Девушка с дороги, устала, а тебе все неймется... Ступай домой, к жене, отмечала!

– Ну, как знаете... – с обидой в голосе пробубнил не встретивший понимания Петрович из прихожей. – Я ведь от чистого сердца предложил... Прощайте! – крикнул он специально для Веры. – Если нужно будет чего – звоните...

– Позвоним, позвоним! Ступай...

Щелкнул дверной замок, и через несколько секунд в дверь комнаты деликатно постучали.

– Ну, так я ставлю чай, Верочка?

– Может быть, чуть позже, Татьяна Михайловна, – умоляющим голосом попросила девушка, чувствуя, что смертельно устала. – Можно, я душ приму?

– Конечно-конечно, милая! Ванная справа по коридору. Даже ванну прими, если хочешь... Там у меня чисто, все прибрано. Полотенчико нужно?

– Спасибо, у меня все есть.

– Ну и ладушки...

Мягкое шлепанье домашних тапочек куда-то удалилось.

Удивляясь, как это она еще не рухнула без сил на сверкающий паркет, Вера распаковала чемодан, достала сложенное махровое полотенце, свежее белье, зубную щетку с пастой, еще кое-какие мелочи...

А как же с постелью?! Она-то, дуреха, надеялась на гостиницу...

Девушка погладила ладонью пушистое покрывало и решила, что одну ночь можно будет вполне обойтись тем, что под рукой. В комнате тепло – спать можно в халате, не укрываясь...

А завтра она купит пару комплектов постельного белья в ближайшем магазине. Денег, слава богу, хватает...

Через полчаса она, разнеженная и умиротворенная, выходила из ванной комнаты, облаченная в длинный халат и с накрученным на голове высоким тюрбаном из полотенца. Старинная ванна действительно оказалась чем-то потрясающим: большая, глубокая, не то что современные «маломерки», в которых мыться можно только скрючившись... А чуть пожелтевший от времени кафель с умильными розовыми купидончиками и сказочными принцессами? Да такую плитку можно поштучно на аукционе продавать!..

– Добрый вечер...

Вера, вздрогнув от испуга, резко обернулась: голос был ей совершенно незнаком.

У двери в комнату напротив Вериной, держась за бронзовую ручку в виде львиной головы, стоял высокий широкоплечий молодой человек в темной куртке и таких же джинсах. Девушке сразу же бросились в глаза светлые пышные волосы, намного длиннее, чем этого требует современная мода, и «профессорские» очки в тоненькой металлической оправе. Короткую бородку, твердые скулы и прямой нос она разглядела чуть позже.

– Ой... Здравствуйте...

Парень в упор глядел на Веру своими серыми глазами и, кажется, совсем не собирался продолжать беседу, поэтому она быстренько юркнула мимо него и заперлась у себя в комнате. Мгновение спустя щелкнул замок противоположной.

– Тоже мне...

Журналистка уже поняла, что неразговорчивый сосед – тот самый молодой ученый, интересующийся старинными статуями. Не общежитие же, в конце концов, здесь у Татьяны Михайловны!..

Стоя у окна, Вера долго глядела на освещенный лучом уличного фонаря пятак брусчатки. В горле почему-то стоял комок.

Ох, как похож этот историк скульптуры на Владика... До неприличия похож. Если бы снять с него очки, сбрить бородку, коротко постричь «львиную гриву»...

– Все! – вслух одернула себя девушка, с треском задерживая шторы на кольцах. – Размечталась, дурочка! В Москве твой Владька! И давно уже не твой, кстати... Поэтому – живо спать!

Подойдя к дивану, она с изумлением увидела стопочку чистого и еще теплого после глаженья постельного белья, аккуратно пристроенную на журнальный столик...

* * *

Странно: еще час назад Вере казалось, что она провалится в сон, лишь только ее голова коснется подушки, но вот свет уже давно потушен, а долгожданного Морфея⁷ все нет и нет...

Под закрытыми веками продолжали метаться яркие дневные образы: смеющийся моряк в расстегнутом на груди кителе, мелькающие за окном вагона черепичные кровли игрушечных домиков, сердитая проводница, разлапистый кирпичный орел под крышей... «Стоп! Так не пойдет! Провалюсь так ночь, уснешь под утро и потом весь день будешь ползать сонной мухой... Давай-ка...»

Девушка решительно отбросила одеяло, скользнула в тапочки и снова отомкнула чемодан.

Через пару минут на столике тихонько гудел загружающийся «ноутбук», а Вера нетерпеливо постукивала ноготками по полированной столешнице рядом со стопочкой девственно-чистых листов.

⁷ Морфей – бог сна у древних греков.

Наконец-то! Убрав громкость динамиков почти до нуля, журналистка привычно порхала пальчиками по клавиатуре, поминутно сверяясь с извлеченными из могучей памяти заморской игрушки файлами. Параллельно покрывался ровными ученически-красивыми строчками очередной листок. Правда, вся эта красота тут же безжалостно перечеркивалась, вымарывалась, поверх коряво вписывались новые слова, которые, в свою очередь, мгновенно подвергались экзекуции...

Итак, что мы имеем?

Верхушка печально знаменитой финансово-коммерческой группы «Гишпаниа» (которую так и тянет назвать просто бандой) с неизвестными целями оказалась в одном из заштатных городков самого западного региона Российской Федерации. Планы она, заметим, вынашивала отнюдь не мирные, о чем свидетельствует довольно крупный отряд «телохранителей». Вопрос: что такого лакомого для себя могла найти стая серьезных хищников в этой глуши?..

Вера поставила жирный вопросительный знак и долго задумчиво обводила его ручкой, до тех пор пока не превратила в толстую изогнутую сосиску.

Ладно.

Чем занимались «гишпанцы» в городе два дня, остается покрытым мраком. Об этом упорно молчат все газеты и телеканалы, освещавшие громкое событие, а не освещал его только ленивый.

Вопрос второй.

Ночью в бывшей гостинице завода «Красный литейщик», где обосновались «гишпанцы», вспыхнул скоротечный бой. Ну, с одной стороны стреляли «гишпанские» боевики-телохранители, а с другой?

Далее.

В конце концов все (!) приезжие оказались перебиты, а сам глава «Гишпаниа», некто Гавриил Игоревич Шалаев, помощник известного депутата и личность весьма одиозная, застрелился самостоятельно... Почему? Может быть, ему помогли?

Вера откинулась на спинку дивана и, задумчиво покусывая колпачок ручки (вредная привычка, отучить от которой ее безуспешно пытались в семье и школе на протяжении десяти лет), уставилась на весьма колоритную личность, фотография которой замерла посреди экрана.

Да-а... Не хотелось бы с таким встретиться на улице поздним вечером... И в лифте бы с ним вдвоем девушка ехать вряд ли отважилась. Широкое лицо, мощные, почти неандертальские надбровные дуги под резко скошенным крошечным лбом, бесцветные рыбы глазки с белесыми ресницами, приплюснутые уши борца, неоднократно, судя по форме, перебитый нос, тонкие злые губы... А что еще она ожидала увидеть на фото трижды судимого по очень неаппетитным статьям индивидуума? Одухотворенный взгляд подвижника? Высокий лоб мыслителя? Такими существами двигают самые примитивные желания, но зато уж нервные центры, за эти желания отвечающие, развиты в совершенстве. Жаль только, что к головному мозгу они не имеют почти никакого отношения, словно у доисторических ящеров, тоже знавших лишь одно: догнать, растерзать, сожрать, найти самку... И так несколько миллионов лет с небольшими вариациями.

«Поезжай, девочка, в этот Краснобалтск, – заявил Маркелов, вызвав в свой кабинет и швырнув на стол тонкую прозрачную папочку с несколькими листами и парой радужных „сиди“. – Перерой там все и сделай мне из этой чернухи конфетку. Птичье молоко. Ты это умеешь...»

Ага... Умеешь... И вот она здесь, сидит на диване под высоченным потолком со столетней лепниной и тупо любит физиономией уголовника-олигарха. Или почти олигарха. Без пяти минут... Растянувшихся в вечность пяти минут...

Вере вдруг так захотелось закрыть глаза хотя бы на секунду, что она просто не могла противиться этому желанию.

«Ноутбук нужно выключить... – барахталась в засыпающем мозгу слабенькая мыслишка, но молодой организм властно брал свое. – Хоть до подушки голову донести...»

А навстречу уже мчалась, кривляясь и корча рожи, злобная проводница, раскинувшая широкие кирпичные крылья, бормотал что-то рядом Петрович в купальном халате, откидываясь на спинку дивана незнакомец в распахнутом на груди морском кителе с капитан-лейтенантскими погонами, отбрасывая упрямо падающие на глаза светлые пряди «львиной гривы»...

Тейфельшрхен, Восточная Пруссия, 1859 год.

– Итак, – деловито произнес ночной гость, когда шок у Виллендорфа немного прошел. – Я убедился в серьезности ваших намерений, вы – в реальности моего существования, поэтому предлагаю без проволочек перейти к делу. У меня, знаете ли, достаточно дел и на этом свете, и, как понимаете, вообще... Текст договора составлен, надеюсь?

– А почему вы спрашиваете? – обрел дар речи скульптор. – Вы же...

– Формальности... – будто извиняясь, развел руками прищелец.

– Да, да... – Юрген отомкнул верхний ящик стола ключом, вынутым из жилетного кармана, и извлек на свет Бо... кх-м... просто на свет роскошный бювар тисненой кожи с вычурным золотым вензелем на крышке.

– Со вкусом, со вкусом... – одобрительно покивал головой визитер. – Скромненько, но со вкусом. Люблю людей обстоятельных.

Из бювара появился листок гербовой бумаги с каллиграфически выведенным черной китайской тушью текстом.

– Не желаете ознакомиться?

– Зачем? – равнодушно зевнул Враг Рода Человеческого и деликатно отгрынул в кулак, распространяя по комнате тухлый запах сероводорода. – Пардон...

– Вы ничего не имеете против написанного мной?

– Почему я что-то должен иметь против? Понятное дело, что вы не за капустную кочерыжку желаете мне продать... это самое. Относительно того, чем такие документы следует подписывать, вы, думаю, в курсе? Вон какую инкунабулу изучили... – ироничный кивок в сторону черного гримуара, возлежащего на пюпитре.

– Да, конечно. – Волнуясь, Юрген чуть подрагивающими пальцами извлек из ящика стола булавку и приготовился вонзить сие орудие в подушечку безымянного пальца левой руки, непроизвольно выбрав при этом не слишком важный для работы.

– Э, э!.. Погодите! – остановил его гость. – Латунная булавка, ярь-медянка... Я не слишком тороплю вас с расставанием с этим светом, поверьте мне! Возьмите лучше эту вещицу...

На договор, чуть примяв бумагу, лег хорошо отточенный стилет с жалом игольной остроты. Скульптор не считал себя большим знатоком оружия, но вычурная чеканка на рукояти и муарово переливающиеся узоры на клинке выдавали добротную старинную работу.

– Отличная вещь – толедская выделка! – похвастался визитер. – Лезвие выковано из настоящей дамасской стали! Видите узор?.. Этот клинок мне подарил сам Ибрахим Сулеймани в одна тысяча четыреста... А-а, неважно! Смелее!..

Неведомый оружейник действительно оказался непревзойденным мастером. Едва лишь кончик стилета прикоснулся к коже, как на ней безо всякой боли выступила большая пурпурная капля. Ваятель обмакнул в «чернила» кончик одного из остро заточенных гусиных перьев и приготовился подписать документ.

– Позвольте! – обратил он наконец внимание на оговорку прищельца. – Как не торопите? Я же специально внес в договор пункт о том, что должен жить вечно!

– Зачем вам это? – скривился скупщик душ, словно раскусил кислое яблочко-дичок, к тому же червивое. – Поверьте мне: чересчур долгая жизнь никому еще не приносила счастья. А уж вечная... Лучше проживите остаток дней – а вам их, как я думаю, еще осталось немало – в наслаждениях и роскоши...

– К чему мне ваши роскошь и наслаждения? – перебил Юрген. – Все, что меня интересует, я изложил на этой бумаге. И попрошу буквального исполнения моих желаний!

– Ну хорошо, хорошо... Хотите вечную – будет вам вечная. Еще и надоесть успеет... Подписали?

Виллендорф подумал секунду, а потом решительно, одним росчерком, вывел свою сложную и красивую подпись...

* * *

Скульптор открыл глаза и огляделся.

Сквозь щели ставен пробивался дневной свет, а все тело занемело от неудобного сна в сидячем положении. В воздухе висело омерзительное химическое зловоние, и источник его лежал на самом виду: наполовину обгоревшая шведская спичка в изящной бронзовой пепельнице, служившей лишь украшением стола ваятеля, искренне ненавидевшего табак.

«Так и отравиться недолго... – подумал Виллендорф, поднимаясь на ноги и с мучительным стоном распрямляя занемевшие члены. – Такие вредные для здоровья изобретения следует использовать исключительно на открытом воздухе и предупреждать об этом специальной надписью на упаковке...»

Он поднял раму окна, пустив в комнату вместе со свежим утренним воздухом все сложные ароматы торговой улочки и разноголосицу пробуждающегося города, и прошелся по комнате, вспоминая подробности странного, на редкость связного и правдоподобного сна. Взгляд остановился на черном томе с перевернутой пентаграммой на обложке. Причину кошмара и искать не стоило: легкое отравление сгоревшим фосфором и ненадлежащее чтение на ночь.

«Все! – решительно сунул скульптор нечистую книгу на самый верх книжного шкафа, где пылилось всякое ненужное барахло: старые карандашные наброски, кипы давным-давно оплаченных счетов, почти сорокалетней давности газеты с заметками о „подающем надежды молодом скульпторе“... – Пора прекращать это дьяволоискательство! Досада досадой, но так недолго и умом тронуться... Живут же люди, не верящие ни в Бога, ни в его антагониста...»

Решив покончить с не самой лучшей страницей своей биографии раз и навсегда, Юрген выдвинул ящик стола, где на всякий случай хранился договор, и...

Вместо дорогого бювара на кипе разнообразных бумаг лежал знакомый стилет с крохотным пятнышком запекшейся крови на острие...

Из прострации скульптора вывел приглушенный голос фрау Марты, раздавшийся из-за запертой двери:

– Юрген, милый! Ты уже проснулся? К тебе сам господин бургомистр...

– Что нужно этому старому ослу? – сварливо буркнул Виллендорф.

– Говорит, что имеется срочный заказ...

Кенигсберг, Восточная Пруссия, 1893 год.

– Что, черт вас побери, вы привезли?..

Высокий старик в роскошном цилиндре и богатой шубе не просто рассержен. Он разъярен, взбешен. Он просто мечет молнии.

«Проклятый старикашка, – торговец камнем герр Миерштрасс вынужден стоять перед неожиданным гостем едва ли не навтыжку, словно проштрафившийся солдат перед офицером

или гимназист, разбивший окно. – Сто лет ведь в обед, а по-прежнему бодр и крепок. Мне бы так... Сколько лет я его знаю? Да, почитай, лет тридцать... Точно. В шестьдесят первом, аккурат к коронации короля Вильгельма и королевы Августы самолично появился. А до того только приказчиков посылал. Или как их там – учеников, что ли... Я тогда еще молодешенек был – кровь с молоком, стройный, как олень, от девчонок отбою не было, а он таким же почти, как сейчас... А теперь? Он все тот же, а у меня брюхо, как пивная бочка, легкие пошаливают, сердце да и прочий ливер... И к чему ему такая прорва камня? Дорогу отсюда до Берлина замостить можно теми булыжниками, что я ему сюда перетаскал из Швеции...»

– Что это такое? – сунул Виллендорф под нос коммерсанту угловатый обломок, словно хотел разбить тому лицо. – Что это за дрянь вы продали мне на прошлой неделе?

– Как что? – непроизвольно отшатнулся герр Миерштрасс, привычно напуская дураковатый вид – защитная реакция, которую он усвоил еще с тех пор, как был младшим приказчиком у скорого на руку папаша. И тяжелого тоже. Уж старому-то Миерштрассу и в голову бы не пришло удержать каменюку в дюйме от лица. – Камень как камень. Какой вы и заказывали.

– Я заказывал? Я заказывал не это, милейший. Совсем не это. Я заказывал гранит из каменоломни Бранте Клев. А это что?

– Это и есть гранит из каменоломни Бранте Клев, – соврал, не моргнув глазом, торгош. – Самый что ни на есть.

– Вы лжете, герр Миерштрасс! – рявкнул старик. – Ты лжешь, плебей!

«Откуда старый дьявол узнал? – Торговец не подал виду, но был огорочен: шведы клялись-божились, что камень самый что ни на есть одинаковый и в Бранте Клеве, и в Густав-хамне. – Никак из матросов кто проболтался, что на другой пристани грузились. Уволю всех, ей-ей уволю...»

Да, почитай, по всему побережью, что напротив Пруссии, камень одинаковый. Черный, будто уголь, хоть печку им топи. И никакой разницы в нем нет – что тот, что этот. Да и не стал бы старый Миерштрасс портить свою репутацию подлогом, если бы не истощилась каменоломня в Бранте Клеве. Таких вот булыжников да чуть побольше – пруд пруди, хоть по два трюма наполняй зараз, а большой глыбы не вырубишь, сколько ни старайся. Все – кончился добрый камень. Баста, как говорят макаронники.

Да только проклятому Виллендорфу булыжник не нужен. Ему в человеческий рост глыбищи подавай, а то и в два роста. Болванов, говорят, каменных тешет, а за болванами теми – очередь со всего белого света. Не только из Берлина, Дрездена или Мюнхена приезжают. Из самих Парижа и Лондона! Да что там Лондон! Из-за океана, бают, гонцов шлют. И что за радость в черных статуях? Вон, везде мраморные стоят, так хоть глаз радуют, а тут черные, как негры, которые валом валят из заморских колоний. Скоро уже плюнуть будет некуда из-за черно...

Махнул бы на странноватого заказчика старый торговец, но платит тот не чинясь. Сколько раз уже поднимал цену герр Миерштрасс, а тот даже не спорит. И сыновей поднял на те деньги коммерсант, и дочек за приличных людей выдал, и торговлишку расширил, и дом на Кенигштрассе отгрохал, – чего еще нужно? А деньги все текут и текут сквозь пальцы, словно вода. А откуда их взять? Не за известняк же для отделки фасадов, не за яшму и змеевик – из моды вышли. И тем более не за шведский гранит. Только старый чудака и выручает. Все бы ничего, если бы не проклятые шведы...

– Значит, так, – немного успокоился Виллендорф и даже снизошел до того, чтобы расправить рукой в перчатке уголок воротничка торговца. – Я погорячился, извините... Но тот камень, что вы обманом всучили моему посланцу, прошу забрать, чтобы не загромождал двор. И вернуть те деньги, которые вам уже выплачены. Сто талеров... черт, никак не привыкну, сто марок можете оставить себе в качестве компенсации за мою грубость, но остальные верните.

«Старый скряга, – подумал торгаш, подобострастно улыбаясь при этом. – Про то, что талеры давным-давно марками заменили, помнит, а про то, что талер три марки стоит, забыл...»

– И впредь попрошу возить мне то, что я заказываю. Иначе я легко найду себе другого поставщика.

Угодливо кланяясь, Миерштрасс проводил скульптора до кареты и долго махал ему вслед. А сам при этом злорадно думал:

«Болт тебе бронзовый такелажный в одно место, а не брантеклевский гранит. Все, кончился камень. И хоть кого ты найми его тебе возить – из щебенки монолит не вылепишь!..»

Но тут его мысли приняли совсем иное направление:

«А если шведы меня надули? Прознали стороной, что гроши я им плачу, а сам тридцать получаю... Подсунули барахло, а старика известили. Так, мол, и так, дурит вас, милостивый государь, пройдоха Миерштрасс... А сами другого нашли, кто каменюки привезет. Да без посредников...»

– Дедушка! – услышал он сквозь думы голос старшего внука Ганса. – А кому это ты машешь? Улица-то пустая...

– Пошел в дом, постреленок! – Той же рукой, что и махал, задумавшись, коммерсант отвесил кровинушке звучный подзатыльник. – Лучше бы матери помог...

Тейфелькирхен, Восточная Пруссия, 1893 год.

Виллендорф тронул резцом щеку незаконченной статуи, провел темным от черной каменной пыли пальцем по неровному сколу и швырнул молоток прочь.

«Нет, это не тот камень! Черт меня побори – не тот! Похож, совсем такой же и на вид, и на скол, и на твердость, но не тот!..»

Он рухнул в кресло и смахнул рукой со стола на пол кипу бумаг. Просто так, чтобы излить накопившуюся злость. Будь это тот, знакомый камень, под резцом уже давно проступили бы очертания юной девушки, а тут все еще статуя походит не на произведение искусства, а на каменного истукана. Работу неграмотных дикарей!

Злость все не проходила. Необходимо было забыться.

Кляня на чем свет стоит жулика-торговца, его непомерную жадность, а заодно и липовый камень вместе с его родиной Швецией, старый мастер рывком выдвинул ящик стола и извлек маленькую коробочку.

В последнее время он из всех сильнодействующих средств предпочитал опиум.

Нет, поначалу он боялся, как и любой здравомыслящий человек, что проклятое зелье затянет его, станет частью души, необходимым ежедневным ритуалом. Но Искуситель был прав: его, несмотря на старость, не брало ничего – ни крепкие напитки, ни любвеобильные дамы, ни утомительные поездки. Даже стариковские хвори обходили девяностолетнего Виллендорфа стороной. Не стал исключением и наркотик.

Пару минут спустя скульптор, даже не сняв пропыленного рабочего костюма и не вымыв рук, возлежал на мягкой кушетке, специально для таких вот случаев стоящей в углу, и изредка прикладывался к курящемуся ядовитым дымком мундштуку. Вскоре полутемная мастерская заволокла туманом, все предметы расплылись, а незаконченная статуя, наоборот, проявилась из мглы со всей резкостью.

Только это уже была не статуя...

– Все куришь, мастер, – ядовито улыбнулся ОН, приближаясь к ложу. – Это ведь очень вредно, забыл?..

– Ты же избавил меня от вреда всех излишеств, – улыбнулся в ответ Юрген, чувствуя, как с каждой затяжкой в жилы вливается молодость и сила. – Или пришел взять свои слова обратно?

– Что ты, что ты! – выставил вперед ладони Искуситель. – Трави себя сколько влезет! Но ты ведь хотел меня зачем-то видеть, – добавил он сварливо после некоторого молчания. – Это тебе настолько нечем заняться, что ты решил задурманить себе мозги, а у меня нет ни минутки свободного времени. Говори скорее, не задерживай меня!

Виллендорф улыбнулся.

– Не говори ерунды, черт. Ты сам повелеваешь временем, и оно для тебя не указ. Это ведь ты придумал часы, чтобы искушать людей, а теперь ссылаешься на отсутствие времени.

– Подловил... – рассмеялся Нечистый. – В чем-чем, а в логике тебе не откажешь. Жду не дожусь, когда заполучу тебя к себе.

– Не дождешься.

– Ну, это посмотрим... Итак, в чем загвоздка?

Ваятель помолчал, собираясь с мыслями, ставшими вдруг легкими и прозрачными, как у юной девушки.

– Ты не выполняешь договора, – сообщил он участливо слушающему собеседнику, напоминающему теперь доктора у постели больного.

– В чем же это заключается?

– Я не могу работать.

– Почему? Затупились инструменты? Пропало вдохновение?

– Нет, все это в порядке. Нет нужного материала.

– Зачем же дело встало? Пошли кого-нибудь, пусть купят. Каррарский мрамор, например. Великолепная вещь. Сам великий Микеланджело не чурался... Или у тебя закончились деньги? Могу ссудить.

– Ты сошел с ума? Ты же знаешь, что я работаю только с черным гранитом.

– И во всем мире гранит закончился? Да ты чудовищно плодовит, Мастер!

– Да, закончился. Но не во всем мире, а в твоём чертовом Бранте Клеве. Не далее чем вчера проклятый торговец камнем из Кенигсберга, черт его побери, пытался всучить мне другой камень.

– Не передергивай, – покачал головой Враг Рода Человеческого. – Я тут ни при чем. Твердь земную, а заодно и камни, творил не я, а он, – когтистый палец указал в потолок. – Не желаешь обратиться к нему?

– Я желаю, чтобы ты обеспечил меня материалом.

– И только-то? Да у тебя весь задний двор им завален! Кто распорядился вымостить им улицу возле твоего городского дома? А забутил несколько акров болота разве я?

– Но ведь это ерунда – осколки, булыжник, если не щебенка! Из большинства тех, что покрупнее, не вырезать и шахматной фигурки!

– Из обломков легко собрать целое.

– Чтобы я клеил из черепков? Да я бракую камень, если там даже намек на трещину! Не хватало, чтобы мои творения рассыпались под своим весом! Ты надо мной смеешься?

– Ничуть. Но есть простой способ...

* * *

Открыв глаза, Виллендорф долго смотрел на незаконченную статую, а потом подергал за шнурок колокольчика.

– Езжай к этому жулику Миерштрассу, – велел он явившемуся, словно чертик из табакерки, слуге. – И скажи ему, чтобы привез из Швеции весь камень каменоломни Бранте Клев, который там еще остался. Только без обмана! С затратами пусть не считается.

Но за камнем, увы, пришлось отправиться уже не старому Миерштрассу, а его сыну: в тот же вечер, как побеседовал со скульптором, старик перебрал вечером сливянки, оступился на лестнице, ведущей на второй этаж своего роскошного особняка, и его хватил удар. Медик не успел...

Покровитель Мастера чересчур буквально выполнял его желания, даже высказанные мимоходом. Скульптору даже стало жаль старого пройдоху. Но слово не воробей. И вряд ли его последствия исправят несколько купюр.

– Я видел во дворе у покойного мальчишку, – обратился Виллендорф к безутешной вдове покойного. – Это ваш сын, фрау?

– Внук, господин.

– Кажется, он что-то лепил из глины. Соберите его в дорогу – я беру его в ученики.

– Но это же очень дорого!..

– Я буду учить его бесплатно, – отмахнулся Мастер и добавил непонятно для доброй женщины: – Долги нужно отдавать...

3

Краснобалтск, Калининградская область, 200... год,

Черт-те знает что!

Евгений отшвырнул книгу, которую пытался читать последние полчаса, поймав себя на том, что прилежно пробегает глазами строчку за строчкой, переворачивает страницу за страницей, но совершенно не помнит ни слова из прочитанного.

Неужели эта девчонка с полотенцем на голове и в чересчур широком для нее халате, прошмыгнувшая мимо него из ванной, тому причина? Зачем он вообще с ней поздоровался? Чисто автоматически? Не-ет...

Видимо, пора вам, господин Князев, закругляться со своим исследованием и двигать до дому, до хаты... Да-да, именно так – до дому, до хаты. Потому что именно в деревенской хате тебе и место, недоделанный ученый, а вовсе не в приличной городской квартире!

Евгений прошелся по комнате, бесцельно поворошил на столе гору фотоснимков, запечатлевших во всевозможных ракурсах каменные лица, мускулистые или, наоборот, женственно утонченные торсы, руки, сжимающие рукояти мечей, древки копий и флагов, кромки щитов и свитки, а также разнообразные крылья, клювы, копыта... Хмыкнув, выбрал из рыхлой, рассыпающейся кучи изображение чьей-то весьма мясистой, если так можно выразиться о детали гранитной статуи, филейной части, повертел в руках и снова швырнул обратно. Добрая половина фотографий, если предложить, пошла бы нарасхват среди бульварных газетенок, где размещалась бы в рубриках «Фотоприкол», «Угадайте с трех раз» или «Что бы это значило?».

Нет, разумеется, имелись вполне приличные фото, где памятники представляли во всей своей красе. Их вполне было можно приложить не то что к кандидатской диссертации, над которой Князев бился вот уже третий год, а и к солидной научной монографии. Скажем под названием: «Монументальная скульптура Германии второй четверти XIX – начала XX веков». Вот только вряд ли она когда-нибудь будет написана, эта монография, и уж точно не Евгением Григорьевичем Князевым...

Безжалостно схватив кучу глянцевої бумаги и швырнув на застеленную кровать, Евгений выдвинул ящик и выложил на стол свое сокровище – тоненький фотоальбом с какими-то пятью десятками фото. Но каких фото!

На первом была запечатлена статуя плотного военного в старомодном мундире и каске с острым шпилем на макушке. Любой мало-мальски знакомый с историей Германии опознал бы в пожилом усатом вояке объединителя Империи – канцлера Отто фон Бисмарка. На заднем плане возвышался средневековый собор – та самая церковь Святого Михаила, изгоняющего дьявола, давшая название городу. Согласно путеводителю начала XX века, ксерокопия с которого хранилась в том же столе, возведение церкви началось в 1255 году на том самом месте, где отряд крестоносцев наголову разбил ополчение одного из местных языческих племен. И ладно бы просто разбил... Предводитель рыцарей Вильгельм фон Мюльхейм приказал устроить грандиозное аутодафе, перевешав и заживо спалив на кострах все оставшееся в живых население деревни, название которой до наших времен не добралось.

Путеводитель так красочно живописал «предание старины глубокой», что у читателя не должно было и тени подозрения закрасться в том, что доблестный воин совершал злодеяние.

Подвиг, только подвиг! Ведь до белорусской Хатыни и чешской Лидице,⁸ повторивших участь безымянной восточнопрусской деревушки, оставалось более тридцати лет...

Но сейчас дело было совсем не в несчастных язычниках.

Евгений вынул из прозрачного кармашка и положил рядом еще одно фото, при беглом рассмотрении совершенно неотличимое от первого. Тот же Бисмарк, та же церковь на заднем плане... Лишь освещение и краешек виднеющегося над крышей соседнего здания неба говорят о том, что снимки сделаны в разное время. А то, что на первом снимке небо ярко-голубое, а на втором – грифельно-серое, низкое, набрякшее дождевой влагой, позволяет предположить, что, возможно, и не в один и тот же день...

«Ерунда, – мог бы возразить скептик. – Рядом Балтика, погода может поменяться сто раз на дню...»

Но Князев совершенно не нуждался в подобных метеорологических изысканиях: в уголке обоих снимков четко виднелись мутно-оранжевые цифры дат, проставленных бездушными светодиодами камеры с интервалом в семь дней. Они и к пленкам разным относились – в первые дни пребывания в этом «скульптурном заповеднике» Евгений, потеряв голову, отщелкал целых десять бобин, опустошив привезенные из Северной Пальмиры запасы, которые рассчитывал растянуть на всю «экспедицию».

Молодой ученый криво усмехнулся, вспомнив, какими глазами смотрела на него юная приемщица местного отделения «Кодака», когда он одну за другой выставил перед ней на покрывавшее стол толстое стекло десять ярких жестяных цилиндров. «Фотоцентр», занимавший скромный прилавочек, втиснутый между двумя жизненно необходимыми отделами местного универмага – хозяйственным и галантерейным, особенным почетом у горожан не пользовался. Об этом можно было судить по десятку-другому коробочек с пленкой, одинокой пыльной «мыльнице» какой-то архаической модели и сиротливому пакету с отпечатанными фотографиями на полке за спиной у конопатой девахи лет восемнадцать на вид.

– Вам только проявить или напечатать? – распахнув зеленые глазищи, уставилась рыжуха на целую обойму пленок.

Наверное, большие заказы здесь делали лишь отпускники, вернувшиеся из поездки к теплему морю, где нащелкали на фоне кипарисов и живописных отрогов Кавказа парочку бобин, или закалымившие на разгульной свадьбе фотографии. К последним, похоже, Князева и отнесла приемщица.

– Да, все удачные и по две штуки каждой, – произнес Евгений привычную фразу, не задумываясь, как выглядит в глазах неискушенного аборигена. – Десять на пятнадцать, глянцевые.

– Тогда заказ будет готов... – девушка поводила ручкой над засунутым под стекло календарем. – Через три дня.

– А почему так долго?

– Так нет же у нас лаборатории! – изумилась такой наивности рыжая. – В Калининград нужно везти...

Так что пришлось в ожидании результатов, скупив весь наличный запас фотоматериалов, совершить повторный забег по узким городским улицам. Князев не уставал поражаться разнообразию тех мест, куда неутомимая фантазия совершенно неизвестного в России скульптора сумела поместить свои творения. Статуи были везде.

Крохотные, всего в какие-то полметра высотой, и огромные четырехметровые, сугубо реалистичные и фантастические, словно плод больного воображения, стоящие прямо на брус-

⁸ *Хатынь* – деревня (население 149 человек) в Белоруссии. 22 марта 1943 года была уничтожена оккупационными немецко-фашистскими войсками при участии украинских коллаборационистов за то, что жители деревни якобы оказывали помощь партизанам. Все жители Хатыни были сожжены заживо. *Лидице* (Lidice) – шахтерский поселок близ г. Кладно (Чехия). 10 июня 1942 года немецко-фашистские оккупанты, обвинив жителей в укрывательстве патриотов, совершивших покушение на протектора Чехословакии Гейдриха, сровняли поселок с землей.

чатке и вознесенные на высокие пьедесталы, погруженные в стенные ниши и надменно взирающие с карнизов домов, будто готовые броситься вниз самоубийцы...

Подлинными жемчужинами коллекции был «водяной», как окрестил его Евгений, по грудь погруженный в заросшую ядовито-зеленой ряской чашу фонтана, и крылатый «вампир», казалось, падающий прямо на голову ничего не подозревающего прохожего и закрепленный на стене дома лишь несколькими прутьями старинной, проржавевшей насквозь арматуры.

После многочасовых пробежек по небольшому, в общем-то, но чрезвычайно запутанному городу зверски болели ноги, тряслись поджилки и хотелось свалиться в постель, чтобы проспять сутки напролет. Но звенел будильник, и проклиная себя ученый наскоро глотал скромный завтрак, приготовленный радушной Татьяной Михайловной, и снова мчался по лабиринту улочек-щелей, день ото дня становившемуся все более знакомым, к тому месту, где вчера был прерван подступившими сумерками избранный маршрут.

Князев, и так-то не склонный к полноте, осунулся и загорел, но пребывал в перманентном состоянии восторга, предвкушения интересной работы, возможно, небольших, но приятных для настоящего профессионала открытий...

Кто же знал, что открытие будет таким убийственным?

Гром с ясного неба грянул, когда подоспела вторая партия фотографий. Евгений тогда просидел до утра, не замечая, как вечер за окном сменяется непроглядной тьмой, а та, в свою очередь, – туманным предутренним сумраком...

Лишь заслышав зуммер будильника, который молодой человек, очумевший от бессонной ночи, долго не мог отождествить с чем-нибудь знакомым, он оторвался от изучения двух приковавших его внимание снимков, отложил в сторону мощную лупу и устало потер слипающиеся глаза.

На снимках, сделанных в одном и том же месте, почти с одного и того же ракурса, но с интервалом в семь дней, были изображены две совершенно разные статуи...

* * *

«Так, – в сотый раз твердил своему невидимому оппоненту Евгений. – Отбросим эмоции...»

Предположим, что виноват угол съемки, высота солнца, падающие тени, еще миллион различных факторов, но не может же каменная, по определению неподвижная статуя приподнять руку?! Никак не может каменная голова повернуться на другой градус по отношению к каменному плечу, не может каменная нога, подпирающая поверженного орла (вероятно, по замыслу художника, герб Французской Империи Наполеона Третьего), сделать чуть более широкий шаг...

Проклиная себя за то, что не приобрел перед поездкой цифровой фотоаппарат, Князев извел еще две пленки на чудесную статую, в ожидании готовых снимков испортил полпачки бумаги, покрыв ее чертежами площади и исчеркав всевозможными векторами съемки, но факты упрямо говорили сами за себя. Необъяснимым, не укладывающимся в сознании образом памятник давно почившего канцлера жил!

Новая «фотосессия» принесла еще более огорошивший исследователя результат: каменный Бисмарк снова чуть-чуть сменил позу! Фантастическое предположение, что некие шутники поворачивают каждую ночь постамент вместе со статуей или, что еще более неправдоподобно, существуют две похожие статуи, регулярно меняемые местами, развеялось, словно дым.

Евгений впал в отчаяние: неужели статуй целых три?! Почему же тогда на постаменте нет никаких следов регулярного снятия тяжелой скульптуры и водворения на ее место другой? Да и каким образом ворочают с места на место такую тяжесть? Автокраном? Ерунда. В ту пло-

щадь, где стоит Бисмарк, ни один кран с длинной стрелой не впишется, разве что с изогнутой под углом, что вообще ни в какие ворота не лезет...

Ни одной разумной гипотезы в голову не шло, и Князев решил позабыть о проклятом канцлере хотя бы на время, сосредоточившись на других объектах.

Но тут его ждало еще большее открытие.

Если отбросить процентов семьдесят спорных снимков, сделанных с разных ракурсов и при разном освещении, выяснялось, что как минимум полтора десятка каменных изваяний непостижимым образом меняют свои позы, а штук пять или одновременно находятся в двух разных местах, или перебираются с места на место!

Поверить в это мог только абсолютно сумасшедший человек. Но еще более сумасшедшими выглядели потайные склады с десятками похожих, но чем-то отличающихся друг от друга скульптур, которые самоотверженные бригады неведомых шутников постоянно меняют местами, а устав просто бросают в совершенно не предназначенном для них месте вроде середины проезжей части улицы, сделав ее таким образом вовсе даже не проезжей. Молодой ученый дошел до того, что закупил в местном магазине «Балтика», торгующем всякой всячиной, в том числе и канцтоварами, весь наличный запас детского пластилина и вдобавок к чертежам принялся моделировать ту или иную ситуацию.

Лепить он умел с детства, но давненько уже не брал пластилин в руки. Вернее, детский пластилин, так как пластилин скульптурный, не говоря уже о глине, которыми приходилось пользоваться уже взрослым, в институте и на работе, почти ничего не имеют общего. К тому же далеко не все яркие кусочки по качеству подходили для создания чего-нибудь более массивного, чем детсадовские грибочки и зайчики. Приходилось перемешивать разные сорта, превращая брусочки всех цветов радуги, всевозможной консистенции и липкости в однородную темно-серую массу, добавлять наполнители вроде толченого мела... Попробуйте сами – это вам не тесто месить! После нескольких часов «упражнений» болели пальцы, запястья и даже плечи, а темные каемки из-под ногтей невозможно было вычистить даже щеткой...

Зато через пару дней в углу комнаты возвышалась практически точная копия того же Бисмарка в одну пятую натуральной величины, изваянная вместе с постаментом. Преподаватели школы искусств, которой маленький Женя отдал порядочный кусок своего детства, и институтские преподаватели могли гордиться учеником.

И пластилиновый канцлер убедил искусствоведа в невозможном.

Живи Евгений в том же девятнадцатом веке, он мог бы предположить настоящую чертовщину: статуи на самом деле живые и движутся самостоятельно, вроде сказочного глиняного Голема, созданного кудесником Бен-Бецалелем...⁹ Но на дворе шел век двадцать первый, и никакой фантазмагии, присущей эпохе романтизма, в нем не было места...

* * *

– Эй! Что ты там делаешь? А ну слезай сейчас же!..

Женя в детстве никогда не лазал за яблоками в соседские сады. Не имея деревенских бабушек и дедушек, лет до тринадцати он вообще никогда не был в селе и оставался в твердой уверенности, что молоко получают не от коров, а делают на фабрике, в чем, кстати, не слишком сильно заблуждался. Кроме того, он обладал природной рассудительностью и тем статусом, который все педагоги называют «спокойный ребенок». Теперь же он чувствовал себя подростком, застигнутым на чужом заборе с карманами, полными ворованных плодов.

– Спускайся, а то стрелять буду!

⁹ Имеется в виду роман Густава Майринка «Голем», где пражский раввин Лев Бен-Бецалель создает глиняное чудовище для защиты еврейского гетто от погромщиков и оживляет его.

Тон милиционера, стоявшего с задранной головой, не допускал иных толкований. Поэтому Князев, понурившись, принялся спускаться с постамента, на который только что забрался, дабы совершить святотатство.

Да-да! Самое настоящее святотатство с точки зрения ученого: он собирался взять пробы камня, из которого был изваян Бисмарк, чтобы раз и навсегда развеять свои сомнения. Короче говоря, отколоть кусочек в каком-нибудь незаметном месте вроде подмышки. Маленький кусочек, совсем крохотный... Что дал бы анализ материала, он не представлял, но все же, не в силах бороться с разрывающими череп загадками, вооружился молотком и зубилом, купленными в ближайшем магазине, и...

– Помочь, что ли? – милиционер заметно нервничал и постоянно озирался, словно сам занимался каким-нибудь непристойным для служителя занятием, вроде ловли светлячков или сбора дождевых червей; по крайней мере, фонарик у него в руке так и плясал.

Кто бы знал, что спускаться с цилиндрической тумбы, украшенной вычурными лепными украшениями, так трудно! Рискую оставить часть брюк на каком-нибудь остром завитке и мучительно нащупывая дрожащей ступней очередную опору, Евгений полз вниз, словно альпинист, спускающийся с Эвереста несколько нетрадиционным способом. Едва его ноги оказались в сфере досягаемости стража порядка, тот решительно вцепился в них и уже не выпускал до самого приземления.

– Кто такой? Документики предъявите!

Грозные, почти что ритуальные слова в устах нервного милиционера звучали странно. Более того, получив вожделенный паспорт Князева, он лишь рассеяно перелистал странички и, вопреки опасениям «вандала», тут же вернул обратно. Но ритуал есть ритуал...

– Пройдемте!

– Товарищ старший лейтенант? – заканючил Евгений, уловив слабину в поведении «сизаря». – Ну что я натворил-то?

– Пройдемте!..

Упирались было глупо, и Женя поплелся за озирающимся милиционером, словно нашлаивший школьник за строгим учителем, влекущим его на расправу к директору. Вот только конвоир выглядел еще более неуверенным, чем задержанный.

«Что он так суетится-то? – несмотря на ситуацию, невольно заинтересовался ученый. – Выпил, что ли? Вздор! Когда это наша доблестная милиция подобное дело грехом считала? Да и смена у него наверняка давно кончилась – вон, двенадцатый на часах... Нет, тут что-то не то. Может быть, бандит какой-нибудь ряженный? Заведет сейчас в подворотню и... Эх, дурак я дурак! Нужно было тоже удостоверение у него потребовать...»

И действительно, конвоир тащил Евгения с улицы, пусть и скудно, но все-таки освещенной, куда-то в темный закоулок.

«Банди-и-ит...»

Рука сама собой полезла в широкий карман куртки, где лежал молоток.

«Точно бандит! Даже не обыскал! Милиционер такого не упустил бы. Вдруг у меня пистолет в кармане? Или нож...»

Рукоять молотка ощутимо нагрелась в ладони, когда милиционер вдруг остановился и резко повернулся к своему пленнику. Князев только огромным усилием воли удержался, чтобы не выхватить из кармана импровизированное оружие.

– Что там у тебя? – уже не сдавленным, а самым обычным голосом спросил старлей. – Бульжник, небось? Оружие пролетариата? Ты это мне брось таки при исполнении... Вынь руку-то...

Пришлось повиноваться.

– Что тебе там, на памятнике, понадобилось? Гадость какую-нибудь намалевать решил?

– Да я это... – смутился Князев, сообразив, что его приняли за банального хулигана. – Вот, поглядите... – Он порылся во внутреннем кармане и протянул заинтересованно следящему за его поисками милиционеру «корочку» музейного работника. – Я научный сотрудник...

– Я и смотрю, что личность у тебя незнакомая, – перебил старший лейтенант, мельком взглянув в удостоверение и тут же вернув его обратно. – Что же ты, научный сотрудник, ночами по памятникам лазишь? Дня мало?

– Так неудобно днем... Люди кругом...

– Неудобно только штаны через голову надевать, – изрек дежурную армейско-ментовскую мудрость милиционер, но даже не улыбнулся при этом. – Что там у тебя в кармане все-таки?

Пришлось вытащить инструмент. Действительно, не бить же им по маковке государственного служащего при исполнении?

– Ого! Серьезная штука! На Багратиона покупал?

– Нет, в универмаге.

– Зря. Там цены накрученные... И что же ты собирался этим молотком колотить?

Пришлось извлечь и тонкое, почти ювелирное зубильце.

– Я образец хотел отколоть. Вот такусенький... – Женя сблизил большой и указательный палец на полмиллиметра. – Для анализа.

– А зачем?

– Зачем?..

Не рассказывать же, в самом деле, блюстителю порядка о своих сумасшедших открытиях и, главное, о «гипотезах»? Так и в дурдоме недолго угодить...

– Знаете ли, в научных кругах распространено мнение, что Виллендорф при работе использовал не натуральный камень, а, так сказать, композитные материалы...

– Чего?.. Какие-такие композитные? Он же сто лет назад своих бол... – Старлей воровато оглянулся и поправился: – Истуканов своих тесал.

– А бетон? Его же еще раньше изобрели.

– Какой там бетон... – тяжело вздохнул мент. – Никакого бетона. Камень один... Ты уж мне поверь. А памятники трогать не вздумай. Ни днем, ни ночью. Даже пальцем не прикасайся!

– Но...

– Никаких «но». Дуй домой, пока я добрый. Где, кстати, остановился?

– У Татьяны Михайловны... – Евгений спохватился, что так и не узнал фамилию хозяйки. – Э-э-э...

– Знаю, знаю... – выручил его страж. – Шандорина Тэ Эм. Приличная женщина. Одним словом – бегом до дома, и чтобы вообще после одиннадцати я тебя... – Милиционер взглянул на циферблат своих часов и заторопился. – Все, все, некогда мне!.. А еще раз с молотком увижу – запру в «обезьянник» на фиг! А потом пусть с тобой, вандалом, те, кому следует, разбираются. Спокойной ночи...

Махнув рукой, странный блюститель едва ли не бегом направился прочь.

– Надо же – легко отделался... – пробормотал молодой ученый, тоже направляя стопы восвояси, благо до дома, в котором он квартировал, было всего ничего.

Стрелки часов приближались к двенадцати...

* * *

«Что за фигня, в конце концов? За каким хреном мы с братьями перлись сюда, в чертову даль? Чтобы изображать таксистов?»

Гоги едва дождался, пока милиционер уведет дурачка, забравшегося на уродливую каменную тумбу с еще более уродливым мужиком в идиотской шапке с наконечником на

голове. Еще секунда, и Реваз завалил бы обоих: он на такие дела мастер – всегда таскает с собой ствол с глушаком. Чуть не спалились из-за его «дуры», когда пограницы затеялись тачку шмонать...

Ну вот, вроде пронесло.

Гоги Курбанишвили «чистоделом» никогда не был, что и мешало ему расти по криминальной линии, но оставлять за собой двоих «жмуров» никак не катило. Особенно если пробник заладится и придется возвращаться... Силой пришлось держать руку Реваза – тот аж слюнки глотал, глядя на две такие мишени, будто кот на сметану!

– Не горячись, биджо!¹⁰ – шепнул Гоги в заросшее черным курчавым волосом ухо подельника. – Видишь: они свалили уже? Зачем лишний раз подставляться?

– Правильно, Гоги, – поддержал «миролюбивый» Каха Лурбанидзе, всегда предпочитающий огнестрельному оружию удавку. – Нашумим, нехорошо получится...

Больше на пустынной улице никто не маячил, но три грузина решили подождать еще, благо времени – навалом, всего лишь без двадцати двенадцать.

За три прошедших дня «фавориты Луны» выяснили, что уже после десяти город вымирает, а к одиннадцати часам на улицах не встретить и бродячей кошки, не то что человека. Одним словом, информация, полученная от заказчика, подтвердилась полностью, и это не могло не радовать.

Оставался, правда, вопрос: зачем такой уважаемый человек нанял для выполнения пустякового дельца не самых дешевых профессионалов там, где хватило бы парочки обычных наркош, готовых продать за пару доз родную мать?.. Но три уроженца благодатного Сухуми, которым, после того как у абхазов лопнуло терпение, на родине не нашлось места, заморачиваться такими пустяками не привыкли. Аванс заплачен сполна, к тому же голову лишний раз подставлять под пулю не придется... А раз так, то и вопрос не вопрос...

– Ладно – хватит отдыхать! – одернул Гоги приятелей, увлеченно резавшихся в «камень, ножницы, бумагу» на щелбаны. – Пора и делом заняться.

Нет, каменный придурок в колпаке их совсем не интересовал. Каким образом можно дотащить такую тушу, весом не менее тонны, до границы, не имея грузовика и подъемного крана? Не говоря уже о том, чтобы пересечь рубежи отечества с таким невинным сувениром в багажнике. Да и не влез бы он в багажник...

А вот крылатый уродец, гнездящийся в нише на торце дома, – это то, что нужно...

– Реваз, смотри: это мальчик! – Каха, забравшись на раскладную алюминиевую стремянку и ювелирно орудуя монтировкой, отделял миниатюрную скульптуру от стены, к которой та крепилась совершенно символически, в то время как напарник страховал его внизу. – Вах!

– Еще какой мальчик, Каха! Тебе бы такой стручок, как у этого чудика, – цены бы не было...

– Это у кого...

– Прекратите! – рявкнул Курбанишвили, аккуратно расстилающий на дне багажника старый ватник, чтобы статуя, не дай бог, не повредилась при перевозке. – Потом будете препираться, когда это страшилище увезем. Смотрите, не уроните мне его!

¹⁰ *Биджо* – «парень» по-грузински.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.